

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2010 | май
интеллектуальный
диалог

ЧЕМУ И КАК: СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

вопросы и ответы, теории и практики ● стр. 2-16

РАЗРУШАТЬ — НЕТ. ПРЕОДОЛЕВАТЬ — ДА

Павел Сергоманов: ● стр. 3

«Те, кто хочет двигаться дальше, получают такую возможность. А тех, кто не хочет развиваться, законодательный механизм всё-таки заставит это сделать».

ИГРУШКА — ЭТО МИНА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Елена Смирнова: ● стр. 4

«Сегодня понимание игры размыто, всё больше она превращается в образовательную рамку. Например, выпустят лягушку, которая говорит английские слова, и вот вам уже обучение через игровые технологии».

ЛИТЕРАТУРУ НАДО ИЗУЧАТЬ ИНАЧЕ

Владимир Васильев: ● стр. 9

«Гуманитарные предметы таят в себе бездну эмоций, например, литература. Ещё в советское время многие учителя, особенно дамы, готовились к школьному уроку, как актёры... Приходили, со слезами и взмахами рук читали Блока, Есенина... Но к эмоциям — уж в университете точно — нужно приложить и другое: упорядоченное знание, которое добывается с помощью метода».

ХОЧУ ВСЁ СИСТЕМАТИЗИРОВАТЬ

Светлана Садовская: ● стр. 13

«Старые нормы остаются, но ведь мы их давно перешагнули, и они — мешают. Там, вне школы, всё другое, поэтому и здесь должно быть другое, соответствующее современному миру».

Олег ЛЕОНОВ: «Есть отвратительный термин — образовательная услуга. Образование стоит внутри экономики. И здесь появляется развилка: либо образование не для чего, то есть оно не прагматично. Либо образование вполне рыночно и подчиняется рыночным законам. И тогда, по сути, работает, как супермаркет».

Разговор с экспертами
о задачах отечественного
образования в мировом контексте

● стр. 2,8

ИЮньский номер газеты будет посвящён проблемам освоения Севера и арктических территорий.

Повестка дня для сферы образования

Для обсуждения сложных тем – таких, например, как заявленная «содержание образования», мы решили создать при редакции экспертный клуб, в рамках которого проводить «разметку» проблемного поля и возможных решений. Постоянным участником и председателем клуба станет уже известный нашим читателям Валерий Сергеевич ЕФИМОВ, начальник отдела стратегического развития СФУ. В сегодняшнем обсуждении проблемы «содержания образования» мы также пригласили принять участие людей, так или иначе связанных с образованием: преподававших или продолжающих преподавать в вузах, работающих со школьниками (например, в Краевой летней школе), консультирующих управленцев от образования. Это Олег ЛЕОНОВ, эксперт в области управления социальными процессами; Андрей БУТЕНКО, преподаватель СФУ, область профессиональных интересов которого – подготовка и осуществление системных изменений в области образования. «Сибирский форум» представляет главный редактор Валентина ЕФАНОВА.

Мировые тенденции развития образования: в каком фарватере движется Россия?

Андрей БУТЕНКО: Мировые тенденции почему-то всегда обсуждаются без субъекта, то есть слабо анализируется, в чьих интересах они реализуются. А ведь мировые тенденции – это практика осуществления замыслов, идей, претензий тех или иных групп. На мой взгляд, ключевой контекст развития мировых тенденций – это соперничество разных цивилизационных центров за лидерство. И образование используется здесь как инструмент усиления того или иного игрока.

Классический пример: не так давно вышел доклад американской комиссии по образованию, где авторы акцентировали внимание на том факте, что количество выпускаемых инженеров и специалистов в области естественных наук в Китае и Индии в разы превышает количество аналогичных специалистов, которых готовит высшая школа США. Через это Китай и Индия начинают серьёзно претендовать на лидерские позиции в технических областях. То есть образование даёт основание странам для амбиций в соответствующих производствах. Этот контекст открыто обсуждается в американской политике, но никак не обсуждается у нас.

Валерий ЕФИМОВ: Да, есть игроки, и сфера образования является полем игры. Например, Болонский процесс как унификация для стран Европы (т.е. создание общего рынка труда, дипломов, квалификации) – для России предоставляет возможность интеграции в Европу. А с другой стороны – это риск отключения туда образованной и талантливой молодёжи. Я даже не буду говорить, хороша система бакалавриата и лучше ли она специалитета. Это просто часть мирового проекта, он точно работает на ареал европейских стран, это им нужно. Мы, присоединяясь к нему, сдаём свои позиции самостоятельного

геополитического позиционирования и человеческий капитал высочайшего качества «сливаем» в Европу и США.

А.Б.: Но это может быть и дополнительная возможность. Потому что, с одной стороны, унификация несёт риск оттока, а с другой, если на фоне унификации ты можешь предложить уникальные образовательные продукты и услуги, то сам становишься центром притяжения.

В.Е.: Кстати, одно из цивилизационных столкновений – это ислам и западная культура. Что ислам предлагает с точки зрения образовательных технологий, что они производят и какими инструментами работают? Мы этого абсолютно не знаем.

Олег ЛЕОНОВ: Тенденции отслеживаются на больших отрезках времени. И если средневековая образовательная концепция была теологической, а последние 200 лет – естественно-научной, то сейчас и она рассыпается, как в западном мире, так и у нас. Что на этом фоне формируется – специальный вопрос, из которого может получиться стратегия развития образования.

В.Е.: Это один из вопросов, на который должен отвечать в том числе федеральный университет.

О.Л.: Сейчас намечается другая мировая тенденция – деглобализация. Глобализации все страны наелись, особенно после того, как прокатился последний кризис. Болонская система как продукт глобализации вступает в противоречие с этой тенденцией. Может быть, время задуматься: а вписываться ли нам в мировую систему?

В.Е.: По крайней мере нужно думать об «умном вписывании» в мировые процессы. Пока мы бездумно берём чужие нормы, как минимум теряя свою культурную идентичность.

Действительно, когда 11 сентября в Америке взорвали две башни, победная поступь глобализации закончилась. Кризис привёл к тому, что каждая страна поняла: общие рынки хорошо, но каждый выживает в одиночку. Линия глобализации и регионализации конкурируют.

«Умное вписывание» предполагает использование собственных конкурентных преимуществ и собственную игру на этом поле.

О.Л.: Есть отвратительный термин – образовательная услуга. Образование стоит внутри экономики. И здесь появляется развилка: либо образование не для чего, то есть оно не прагматично. Либо образование вполне рыночно и подчиняется рыночным законам. И тогда, по сути, работает, как супермаркет.

А.Б.: Этот сценарий уже реализован. Ведущие университеты Европы и Америки уже в определённой степени приватизированы транснациональными корпорациями. Это свершившийся факт. И в России этот процесс уже пошёл – РУСАЛ, например, действует подобным образом.

В.Е.: Давайте сделаем первую констатацию: есть мировые тенденции, и Россия движется в их русле (или её двигают?). Есть несколько групп игроков – геополитические, связанные с цивилизационным противостоянием; экономические (корпорации) и те, кто смотрит на образование как на инструмент достраивания высших форм культурной и религиозной идентичности.

Ред.: Государство, которое производит реформы, понимает оно, в русле каких тенденций оно действует и какую игру ведёт?

А.Б.: Явную политику оно не выстроило. По первой группе процессов – потому что Россия до сих пор не утвердилась как геополитический центр. По второй – у нас нет крупных компаний, признанных в мировом сообществе, они в стадии становления. И относительно культурной, религиозной идентичности тоже неопределённость. Пока государство делает разные пробы.

О.Л.: Но последние 20 лет мы наблюдаем сплошные заимствования, которые производным образом переносят в Россию и пытаются здесь выращивать.

Ред.: Это как раз психологически объяснимо: кажется, что там всё заведомо хорошее, можно и экспертизу не проводить.

А.Б.: Пороговый год современных тенденций – 2004-й, когда произошла оранжевая революция на Украине. Тогда правящий класс России впервые понял, что западные коллеги при случае их совершенно спокойно «кинут». С 2004 года российские геополитические интересы наконец стали отстраиваться. Украина помогла нам прийти в себя, расстаться с мечтами, что нас готовы включить в транснациональную элиту.

Знаковым событием было задержание Прохорова: русского миллиардера продержали в кутузке несколько дней. Совершенно невероятная вещь для миллиардера западного. Это было символично. После этого геополитическое самоопределение дошло и до системы обра-

зования: появился нацпроект, федеральные университеты.

В.Е.: Федеральные университеты – это первый пробный шар, в рамках которого геополитические интересы зазвучали в сфере образования. В этом смысле федеральные университеты должны работать на усиление идентичности страны, а с другой стороны – активно взаимодействовать с другими странами средствами образовательной, культурной, технологической политики. Для нас это в первую очередь страны ШОС.

Отечественные формы и реформы

Ред.: Какой смысл в русле геополитических интересов имеет модернизация, которую руководство страны объявило стратегической задачей?

О.Л.: По поводу модернизации мне пришла мысль, что жизнь страны нужно обсуждать скорее в метафоре биологической, чем в инженерно-технической. Страна – организм, а не машина. Потому требование модернизации либо пустое, либо разрушительное.

В.Е.: Я считаю, что пафос модернизации – в том, что страна может меняться. Тут есть противоречие: модернизация экономики не может происходить без инициативных, ответственных людей. Эти люди не могут формироваться в условиях общественного договора, когда власть отвечает за всё, а население только берёт под козырёк и говорит: нам вот пенсии добавьте, и мы не будем хулиганить. Модернизация несёт в себе энергетику изменений.

А.Б.: Почему слово модернизация используется? Для реальных изменений нужны целевые вложения в образование. Они могут осуществляться под вполне понятные, курируемые государством масштабные проекты.

Есть опыт Японии, где государство очень сильно трансформировало систему высшего образования за счёт создания технополисов. Это красивый пример, когда по всей Японии было развёрнуто 26 городков масштаба нашего Новосибирского Академгородка (его опыт, кстати, японцы изучали).

Каждый работал в своей области (биотехнологии, добыча морских ресурсов и проч.). Этот формат практически не используется у нас в стране. А чтобы вяло текущие процессы замаскировать, используется слово «модернизация». Оно несёт в себе знак некоего обновления, но подспудно все понимают, что

это такое изменение, где нет радикальных вложений.

В Японии это была большая программа. Цель – превратить Японию из страны, экспортирующей товары, в страну, экспортирующую технологии, интеллектуальные изобретения. По большому счёту они этого добились. Может быть, не реализовали амбиции по захвату полного лидерства, но во многих областях японцы сегодня доминируют, и это результат той 20-летней программы. В неё вложили очень большие деньги. А то, что вложено в федеральные университеты, даже не компенсирует недофинансирования 90-х годов.

В.Е.: Я бы зафиксировал следующее: если федеральный университет – не имитация государственного управления, а серьёзный шаг, то за этим должны стоять длинные вложения иного уровня, а также новые цели и идеология. Очевидно, что это не подготовка кадров к существующим секторам экономики с технологиями 20-40-летней давности и даже не с современными технологиями.

Если перейти на содержание образования, то федеральный университет должен иметь специальные места, где формируется профессиональное мышление – мышление, способное создавать новые технологии. Когда студент находится в команде, которая такую технологию разрабатывает, он обучается. Если же мы ориентируемся на уже существующие технологии, пусть самых современные, то отстаём как минимум на 5 лет, не говоря о том, что это никакое не креативное мышление. Отсюда вопрос к содержанию – где в университетах развивается профессиональное мышление: инженерно-техническое, гуманитарное, естественно-научное? Как студенты его видят? Через лекции, что ли? Нет, конечно. Это ключевой вопрос к содержанию образования.

Общественный договор: чтобы выгодно всем

Ред.: А мы этого хотим от образования – развития мышления? В чём, так сказать, договор общества по поводу задач образования?

В.Е.: Если намеренно обострить проблему, можно сказать, общество сейчас негласно признаёт существующее образование бессмысленным. Но необходимым для минимального социального статуса.

То есть родителям нужен диплом. Условно их отношение: да учите, чему хотите, лишь бы диплом дали. У студентов: нет разницы, что здесь происходит, главное закончить вуз. У преподавателей: всё равно, каким будет выпускник, я отработываю часы. И тогда мы имеем «никакое» и «ничейное» образование.

(Окончание на стр. 8)

На фото эксперты: О. Леонов, В. Ефимов, А. Бутенко

Учитель — пока учится сам

Современный учитель. Он должен быть универсально образованной личностью. Должен владеть информационными и образовательными технологиями. Должен быть хорошим психологом. Наконец, должен любить детей. И как всего этого добиться? Только при одном условии — если изменится положение учителя в обществе. Об этом говорит наш собеседник — ректор Института повышения квалификации учителей Павел Аркадьевич СЕРГОМАНОВ.

— Как Вы считаете, изменился ли учитель за последние 10-15 лет?

— Думаю, да, но далеко не везде. В первую очередь, это зависело от инициативы самих образовательных учреждений. Изменения происходили там, где коллективы пытались что-то сделать в связи с вызовами времени, где они были нацелены не на впикивание кучи сведений в детские головы, а на то, чтобы дети умели ориентироваться в информационном пространстве, умели налаживать коммуникации, решать жизненно важные проблемы, работать в командах. Наиболее массовые изменения учителей, произошли из-за внедрения информационно-коммуникационных технологий в школу — и в этом смысле учителя, конечно, другие, чем были раньше. Учитель, который стоит у доски с тряпкой и с мелом, практически ушёл в прошлое. Сейчас он у интерактивной доски. С Интернетом, с цифровыми ресурсами.

— Школа — относительно устойчивый коллектив. Текучка кадров ей несвойственна, и люди годами работают на одном месте. Это хорошо?

— Да, учительство — консервативная профессия. И это правильно. Но это же привело и к несоответствию времени.

— Как Вы думаете, почему так невысок статус учителя? Лег тридцать назад он был несоизмеримо выше, чем сегодня. А в деревне так и вообще учитель был очень значимой персоной.

— Статус определяется глазами общества. Общество изменилось, учитель — не очень. На селе статус учителя и сегодня достаточно приличен. В городе он совершенно другой, по крайней мере, на сегодняшний день. Думаю, ситуация скоро поменяется. Нужно ли поднимать статус учителя? Безусловно, да. Но ещё больше нужно менять работу учителя. Это долгий вопрос. «Дольший», чем наша с вами жизнью. С моей точки зрения, есть два принципиальных адресата бюджетного финансирования — это армия и школа. Военный и учитель. Война и развитие. Сейчас пытаются выровнять дисбаланс в пользу учителя, развития людей. Раньше было иначе. Потом опять... Что это отражает?

— Наверное, наши приоритеты.

— Да. И возникает вопрос: мы хотим воевать или хотим учить? Куда мы вкладываем средства и внимание? Статус учителя надо поднимать, прежде всего, через заработную плату, другие условия труда, бытовые условия. Тогда в школу придут лучшие. Тогда с ними можно будет что-то изменить.

— Учитель сегодня — что это за специалист?

— По современным меркам, учитель — уж очень обобщённое понятие. Ведь обучение детей в современных условиях — это колоссальное разделение и специализация. В школах появились информационные системы, компьютеры, интерактивные доски и парты и т.д. Появились люди, которые профессионально занимаются проектированием. Конечно, есть учителя, которые ведут уроки, но есть и те, кто ходит с детьми в походы, занимается с ними проектами, исследованием. Это колоссальное многообразие профессиональных позиций: системные администраторы, тьюторы, методисты, проектировщики, аналитики. Общество сегодня особо и не догадывается об этом многообразии. Хотя встречаются, и

в большом количестве, имитации этого всего — название есть, а работы нет.

— Система повышения квалификации как-то изменилась за последние годы, и как это отразилось на деятельности вашего института?

— Нашему институту в этом году 75 лет. Он был создан как институт усовершенствования учителей (ИУУ), такие образовательные учреждения работали практически по всей стране. Раньше институт выполнял две базовые задачи — поддержка идеологии в школе и поддержка фундаментальности в преподавании дисциплин.

В Советском Союзе была сильная школа, что подтверждает известный вывод из доклада Комиссии Конгресса США: русские первыми полетели в космос «на плечах школы».

У нас была сильно развита — в какой-то степени это тейлится и сейчас — фундаментальная подготовка детей по естественным

маршрут, свою программу, назначив место в общежитии, книжку на дом, статью. Всё это можно сделать, никуда не выезжая — из школы или из дома. Это во многом уже присутствует у нас.

— Как часто учитель должен повышать свою квалификацию?

— Раз в пять лет. Пока законодательно это не принято, но не менее одного раза в пять лет.

— В чём разница между формулировками «повышать квалификацию» и «подтверждать квалификацию»?

— Федеральное министерство с первого января 2011 года вводит новое положение об аттестации, смысл которого следующий: если ты хочешь быть специалистом первой или высшей категории, ты будешь должен доказать это, удовлетворив соответствующим квалификационным требованиям. А если, грубо говоря, не хочешь, то всё равно должен раз в пять лет подтверждать — не первую, не высшую, а какую-то минимальную категорию. Если не подтвердишь квалификацию, могут и уволить.

— То есть это контроль за качеством образования?

— Да. Те, кто хочет двигаться дальше, получают такую воз-

можность. А тех, кто не хочет развиваться, законодательный механизм всё-таки заставит это сделать. Учитель остаётся учителем до тех пор, пока учится сам.

— История их происхождения тоже понятна, там был серьёзный интеллектуальный вброс, и дети росли соответствующие. Север, разумеется, Норильск. Малые города, где население наиболее экономически активно и стремится попасть в центр. Мотивация населения, конечно, сказывается на качестве самих учителей. Канск, Ачинск, Железногорск, Зеленогорск, Шушенское активны всегда. Кстати, в конкурсе «Учитель года -2010» победила учительница из Шушенского Татьяна ЛОБАНОВА (выпускница бывшего КГУ), и в номинации «Лучший классный руководитель» — тоже победила из Шушенского.

— Нужна ли сегодня глобальная реформа образования или можно ограничиться отдельными мерами, не разрушая то, что накапливалось десятилетиями?

— Разрушать, с моей точки зрения, в образовании ничего не нужно, нужно преодолевать. Само по себе разрушение — оно бессмысленно. Реформа в образовании нужна всегда, это постоянное состояние всех различных систем образования во всех странах. Это нормально.

Можно разные слова применить здесь — реформа, модернизация, развитие, но то, что образование подобно велосипеду — если не едет, то падает, это точно.

В этом смысле нужны постоянные изменения в системе. Нужны люди сообразительные, компетентные, предприимчивые — те, которые востребованы временем и современным поколением детей. Когда общество меняется, следом за ним должна измениться и школа. Иначе у общества нет будущего.

— Какое место должно занимать образование в национальной политике России?

моему ребёнку, чтобы была возможность дополнительного образования — кружки, секции.

— Да, вот у меня, например, ребёнок учится в лицее, ему 11 лет. Он бесплатно занимается в волейбольной секции при школе, дополнительно немецким языком и планирует пойти в театральную студию в старших классах. Но, надо сказать, в других школах микрорайона таких услуг дополнительного образования гораздо меньше.

— Это вопрос конкретного коллектива, и в вашем лице коллектив это сделал. Деньги (и полномочия, и все остальное) начинают работать, когда они выделяются под понятные идеи. Допустим, есть у человека представление о том, как сделать театральный кружок, в хорошем и точном смысле этого слова: набрать детей, написать сценарий, который им будет интересен, сделать спектакль в школе, в классе, ещё где-то, может быть, проект какой-то затеять. Попробовать детей на режиссёрские роли, на актёрские, декорации кому-то поручить. Понимаете, это целое дело, и тогда, конечно, денег не жалко, понятно, что результаты будут. А когда говорят просто: «Дайте денег», возникает вопрос: дадим, а что дальше? Вы их по карманам себе распахаете, и ничего не произойдёт!

— Как Вы считаете, где кадровая ситуация сегодня хуже — в начальной или средней школе?

— Хуже в средней. Потому что для неё нет пока ясной формы. Подростки сопротивляются той системе, которая им предлагается, и не потому что они такие плохие, возраст такой. Современная школа в своих решениях, связанных с порядками, регламентом, детско-взрослыми отношениями, очень слабо учитывает, если не сказать хуже, подростковый возраст. А начальная школа, в отличие от неё более благополучна. Если вы сравните работу учителя с первоклашками и с пятиклашками — семилетние дети готовы всё воспринимать, учитель для них — авторитет. А чтобы работать с

дисциплинам и математике. Всё это поддерживали ИУУ. Но когда изменились общество и государство, изменилась школа, конечно, по крайней мере у нас в крае, поменялась и система повышения квалификации. И меняется постоянно, это естественный процесс. Учителя хотят, чтобы удовлетворялись их индивидуальные запросы в повышении квалификации. С моей точки зрения, это правильно, при условии, что это работает на развитие образования в школе.

Надо сказать, у нас в крае за последние три-четыре года система повышения квалификации развернулась просто на 180 градусов. Раньше мы определяли, кого и чему учить, теперь это определяют наши заказчики. Мы сделали систему так называемого муниципального заказа.

— Заказчики — это кто?

— Муниципалитеты, школы, краевые учреждения образования. Мы хотим довести саму систему заказа — а она имеет полный электронный формат — до уровня учителя. Чтобы каждый учитель в Красноярском крае имел «собственный Яндекс», то есть, проще говоря, набор электронных сервисов, которые помогали бы ему строить индивидуальный образовательный

механизм всё-таки заставит это сделать. Учитель остаётся учителем до тех пор, пока учится сам.

— Какие знания пользуются спросом у приезжающих учителей в вашем институте — методическое плана или предметное?

— Самые разные, у нас примерно две сотни программ. Поэтому время выбирать. Последнее время набирают популярность предметные знания по физике, химии другим предметам, менеджмент, государственное и муниципальное управление. Традиционно востребованы так называемые технологические подходы, методики преподавания. Популярны вопросы психолого-педагогической подготовки учителя, это очень важная составляющая подготовки, её, кстати, не было в советское время.

— К вам приезжают со всего края. Откуда, если не секрет, наиболее подкованные педагоги?

— Это известно. Традиционно, конечно, Красноярск, потому что это город, цивилизация, большая доступность разных ресурсов, более активная экономическая жизнь. Традиционно сильно закрытые города

— Я думаю, значительное. Вложения в школу — это вопрос приоритетов. Но при этом ресурсы должны работать. В этом смысле, чем сегодня не совсем устраивает система образования? Тем, что мы пока не знаем порог её чувствительности. Сколько нужно денег, чтобы система и её результаты изменились заметно для граждан? Пока больше денег — не значит больше результатов.

— А если давать больше полномочий?

— И больше полномочий не значит, что будет больше результатов. Нам с вами важно, чтобы дети не приходили в школу, где панели окрашены в тёмно-синий цвет, решётки на окнах, строгая учительница, никакой детской активности и гама, враждебная атмосфера, грязные туалеты. Всё-таки родителям хочется, чтобы к ребёнку хорошо относились, решали его проблемы, чтобы коллектив был дружный и добрый, чтобы дети могли бегать, прыгать, чтобы не боялись, чтобы в туалет можно было зайти, не опасаясь, что тебя выгонят оттуда старшеклассники, чтобы было больше книг, компьютеров, конструкторов, чтобы всё это было доступно любому, а особенно

подростками, надо иметь специальный характер. В вузах никто особо не готовит к подростковой школе, всех готовят к «началке». И это фундаментальная проблема общего образования. Она актуальна не только для нашей страны.

— Почему Вы в своё время перешли из школы в Институт повышения квалификации?

— Это логическое продолжение той работы, которую я вёл сначала в университете (в КГУ), а потом в «Универсе». В школу я в своё время перешёл из университета, где семь лет возглавлял кафедру социальной психологии, потому что она предлагала реальную, содержательную работу, карьеру и приемлемую зарплату. А уже из «Универса» перешёл в систему повышения квалификации потому, что я фактически занимался обучением учителей, федеральными и международными проектами в гражданском образовании, в области информатизации школы, проектами по развитию учительских сообществ, всероссийской конференцией. Результаты этих проектов до сегодняшнего дня поражают своим масштабом и точностью. Современный ИПК этим тоже должен заниматься сегодня.

Елена НИКИТИНСКАЯ

Игрушечное содержание

Один старый мудрец очень любил детей. Они приходили к нему отовсюду, и он дарил им прекрасные, но слишком хрупкие игрушки. Дети радовались, но игрушки ломались, и они в слезах прибегали за новыми, а старик дарил им ещё более прекрасные и ещё более хрупкие вещи. Наконец родители спросили мудреца, зачем он мучает их детей. Он ответил: ребёнок вырастет, и кто-то подарит ему своё сердце. Пусть он заранее научится беречь самое прекрасное и самое хрупкое.

Детям из этой старой китайской притчи повезло вдвойне. Мало того, что на жизненном пути им встретился мудрый человек, который с детства начал передавать им правильное миропонимание, так ещё и родители оказались очень неравнодушными. Пришли и прямо спросили: вы зачем детей до слёз доводите? А вот современным детям таким богатством похвастаться не удастся. И игрушку порядочную не найдёшь, и родители, ослеплённые рекламой, смотрят на детские развлечения сквозь пальцы. О дошкольном образовании и детских игрушках рассказывает Елена Олеговна СМИРНОВА, профессор, доктор педагогических наук, зав. лабораторией психического развития дошкольников Психологического института Российской академии образования, основатель Московского городского Центра психолого-педагогической экспертизы игр и игрушек.

— Дети — одна из высших ценностей общества, и сегодня, казалось бы, детству уделяется как никогда много внимания: детские центры, образовательные программы, развлекательные комплексы, развивающие игры. Вы согласны, что это прекрасная тенденция?

— В современном обществе существует множество парадоксов. Один из них заключается в том, что ценность детства непрерывно растёт, но при этом перестают учитываться возрастные особенности детей. Серьёзной проблемой становится повальный бум на раннее развитие ребёнка. Например, в США начали выпускать фильмы для младенцев от трёх месяцев. Авторы обещают, что после просмотра записанных под музыку картинок у ребёнка начнёт развиваться воображение, мышление и т.д. С педагогической точки зрения это полная ерунда, ведь дети до девяти месяцев даже говорить не могут. Главные аргументы в защиту таких просмотров — детям нравится, а родители могут отдохнуть. При этом совершенно игнорируется тот факт, что из-за подобных телесансов, кстати, рекомендованных к просмотру не более 20 минут в день, у ребёнка формируется стойкая телезависимость. Нередко из-за того, что родители позволяют своим чадам часами сидеть у телевизора, лишь бы не плакали. Но самое страшное, что в такой ситуации полностью блокируется истинный источник развития младенца — эмоциональное общение с матерью.

— В продаже нередко можно найти различные методики для раннего развития детей. Они носят заманчивые названия («Математика с пелёнок», «Азбука с пелёнок», «Гений с пелёнок») и, конечно же, играют на чувствах родителей, которые всегда хотят иметь выдающегося ребёнка. Выходит, всё это вредно?

— В народе ходит страшный миф о том, что если в первые три года ребёнка не научить грамоте, потом будет поздно. Так называемые методики раннего развития в действительности представляют собой примитивные наборы карточек, которые тренируют малыша на уровне рефлекса, ассоциации. В 2-3 года ребёнок может только буквы разбирать, но смысл чтения остаётся ему непонятен. Одна бабушка при мне учила внучку различать красный круг и синий квадрат. Девочке было ужасно скучно, и я предложила бабушке отправить её поиграть. На что получила ответ, что моторикой в семье занимаются после обеда. Беда в том, что двигательное и активное действие всё больше выходит из жизни малышей. Вместо этого прозорливые предприниматели занимают детское зрение — предлагают картинки и видеозаписи. Кроме того стойко формируется порочная установка у родителей, что ребёнок обязательно должен быть гением. Негативные последствия, как правило, не заставляют себя долго ждать.

— Сегодня обязательным считается условие, чтобы ребёнок научился читать, писать и считать до школы; родители беспокоятся, что иначе он навсегда будет отставать в успеваемости...

— В дошкольном возрасте главная движущая сила в развитии ребёнка — это сюжетно-ролевая игра. Причём это не некое средство для обучения или освоения предмета, это самостоятельная деятельность. Более того, психологи утверждают, что это единственная форма деятельности, где ребёнок может быть самостоятельным, может развивать волю, воображение, самосознание и многое другое. Сегодня понимание игры размыто, всё больше она превращается в образовательную рамку. Например, выпускают лягушку, которая говорит английские слова, и вот вам уже обучение через игровые технологии. А развивающая сюжетно-ролевая игра всё дальше уходит из жизни детей, теряет свою ценность. В детских садах в Москве играм уделяется всего 30-40 минут в день, да и в это короткое время умудряются протолкнуть какое-нибудь обучение.

— Чем так хороши сюжетно-ролевые игры в сравнении с другими, обучающими, например?

— Советский психолог Д.Б. Эльконин описывает в своей книге «Психология игры» три типа игр. Первый тип — игра-действие, где ребёнок катает машинки, собирает конструктор и т.д. Второй — игра-роль, когда ребёнок примеряет на себя чей-то образ и придумывает сюжет. И наконец, третий тип — самый важный — игра с отношениями, в которой есть несколько участников, и между ними выстраивается определённое взаимодействие. При нормальном

развитии такая форма игры должна проявиться уже в пятилетнем возрасте. Статистика же показывает, что лишь 10-15 % первоклассников играют в игры третьего типа. Остальные ребята, которые вместо игр готовились к школе, придя в класс, понимают, что не наигрались,

— Игрушка — это мина замедленного действия, она может взорваться с хорошими или плохими последствиями. Мы замечали, что когда ребёнок смотрит на какую-то человекоподобную фигурку, он подосознательно перенимает её позу, мимику, настроение. Поэтому

Хорошие игрушки

Страшные игрушки

Странные игрушки

и начинают делать это во время уроков, под партами. Такие дети не могут организовать свой досуг, у них нет произвольности и самостоятельности, нет мотивации к учёбе. Более того, за год все их преимущества в чтении, счёте и письме сходят на нет. Вывод напрашивается такой: чем больше мы детей к школе готовим, тем меньше они к ней готовы.

— Полки магазинов сегодня завалены всевозможными детскими игрушками. Как в таком разнообразии выбрать то, что действительно будет полезно ребёнку? Какое значение в его развитии имеет игрушка?

так важно, в какие игрушки играют наши дети, ведь именно через это в большей степени формируется их характер. Сегодня в магазинах хороших игрушек не найти. Мы постоянно проводим экспертизы странных и страшных игрушек, которые просто не могут быть средством игры. Чаще они покупаются для забавы, так как очень нравятся родителям, но, посудите сами, какое отношение к развитию детей могут иметь такие игрушки, как «Набор кровавого киллера» или игра «Доктор», где ребёнку миниатюрными пинцетом и скальпелем нужно провести операцию по удалению органов.

Встречаются и совершенно непонятные экземпляры: ребёнок с лицом старца, отчлнённая голова для создания причёсок, младенец с голым задом. Всё это медленно, но верно, разрушает в наших детях не только фантазию и воображение, но и обычные человеческие качества, такие как сострадание, милосердие, забота.

— Доктор Бенджамин Спок в своей культовой книге «Ребёнок и уход за ним» пишет: «Обычно детям больше нравятся простые игрушки, и они дольше с ними занимаются. Это не потому, что дети неприязнательны, а потому, что у них богатое воображение».

— Это действительно так: простота игрушки помогает ребёнку развивать воображение, придумывать эмоции для персонажей и создавать сюжетные ходы. Недавно мы совместно с московским Департаментом образования начали выпускать каталог под названием «Лучшие игрушки года», где присвоили по-настоящему хорошим игрушкам знак качества «Детские психологи рекомендуют». Мы не можем ничего запретить, но зато можем помочь родителям и образовательным учреждениям подобрать качественный игровой арсенал. Туда вошли очень простые на вид деревянные погремушки и шумелки для младенцев, паззлы и лошадки на колёсах для раннего детского возраста, перчаточные куклы и комплекты для режиссёрской игры для дошколят и многое другое. Мы надеемся привлечь внимание общественности к миру детской игры.

— Как известно, досуг ребёнка не ограничивается одними игрушками. Зачастую львиную долю его свободного времени забирает телевизор. Что Вы советуете родителям при выборе видеопродукции?

— Современная киноиндустрия совершенно неприспособлена для детей. Герои фильмов — какие-то необычные, фантастические взрослые, которым просто невозможно подражать. Навязываются совсем не детские смыслы, с экрана так и плещет агрессия, всё происходит настолько быстро, что невозможно сосредоточиться, но и оторваться тоже нельзя. Мы советуем родителям показывать своим детям советские мультфильмы — они медленные, размеренные, можно подумать, разобравшись в том, что происходит. Нужно помнить, что ребёнок обладает определёнными возрастными особенностями, и превращать его во взрослого (как это делают сейчас производители детских фильмов и журналов) — не только бессмысленно, но и губительно. Главное право ребёнка — это его право на детство, на полноценное проживание всех возрастных периодов. Сажая дошкольника перед экраном и освобождая себя от лишних и утомительных занятий с ним, взрослые забирают у него это право и нарушают основную закон развития психики ребёнка — становление его внутреннего мира происходит только в совместной деятельности с родителями.

Кирилл АРСЕНЬЕВ

В электронной версии газеты sibforum.sfu-kras.ru см. каталоги хороших и плохих игрушек

Есть ещё порох в пороховницах

Как говорит прогрессивная педагогика, ребёнок — не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который необходимо зажечь. И так как огонь может появиться только от огня, учителя тоже нередко сравнивают с горящим факелом. Однако запал учителя не безграничен, и порой наступает момент, когда вместо огня знаний мы начинаем чувствовать запах «горящей психологической проводки». Так в 1981 году психолог Морроу образно представил состояние работника, испытывающего профессиональное выгорание.

Инновации без адаптации

Профессиональное выгорание — это один из видов профессиональной деформации личности. Оно возникает в тот момент, когда накопленные внутри отрицательные эмоции не получают своевременного выхода. Выгоранию обычно подвержены сотрудники, которые по роду службы вынуждены постоянно общаться с различными людьми, знакомыми и незнакомыми. К такой категории относятся руководители, менеджеры по продажам, медицинские и социальные работники, консультанты и преподаватели.

«Мы проводили исследования в трёх городах нашего края, — отмечает психолог Красноярского педколледжа № 1 Елена КАРЕПОВА.

Около 90% педагогов находятся в ситуации стресса и профессионального выгорания.

Такой учитель поздно приходит на работу и пытается пораньше уйти, в течение рабочего дня испытывает ощущения физической слабости и боли (а дома неожидан-

но ему становится лучше). Развивается профессиональный цинизм, когда ученик перестаёт быть личностью для педагога...»

С одной стороны, существуют объективные причины, «сжигающие» педагогов, такие как возраст, состояние здоровья, интровертивные особенности характера, тяжёлая экологическая и эмоциональная обстановка в мегаполисах.

С другой стороны, само общество создаёт для учителей стрессовые условия работы. Это и гендерный дисбаланс в педколлективе школ, когда преподаванием занимаются преимущественно женщины, и чрезмерное количество

реформ и инноваций в образовании.

А ответственность за качественную подготовку ученика, за его поступление в вуз, вообще за будущую судьбу — остаётся по-прежнему на совести учителя.

Быть на позитиве

С меньшим риском для здоровья синдром профессионального выгорания переживают работники, имеющие хорошее здоровье и сознательно заботящиеся о своём физическом состоянии. Они постоянно занимаются спортом, поддерживают здоровый образ жизни.

Почувствовать вкус профессии

Профессор из Томска Галина Николаевна ПРОЗУМЕНТОВА выступала на красноярской конференции по педагогике развития не только как представитель научной школы, но и как педагог-практик: «Страшно сказать, но я работаю в школе уже 20 лет! Являюсь научным руководителем реализуемого в школьных стенах проекта. И в настоящий момент наш педагогический коллектив имеет серьёзные достижения в образовании детей, в повышении квалификации педагогов и взращивании нового слоя гуманитарных управленцев. Научные результаты добыты нами в процессе преподавания и сегодня демонстрируют своё новое качество: отход от академизма к практико-ориентированному знанию».

— Галина Николаевна, сейчас вокруг школы такая круговерть: конференции, инновации, реформы... Не отвлекает ли это учителя от основной деятельности? И что от этого получают дети?

— Но ведь эти семинары и конференции не требуют обязательного присутствия. А разнообразие форм самообразования даёт учителю возможность сориентироваться и выбрать, куда стоит идти, где близкие вещи обсуждаются, а где не очень. Насколько это полезно для педагога?

Мне кажется, я за годы работы с учителями убедилась, что понастоящему «живыми» людьми, более того, профессионалами, они становятся только при участии в инновациях. Когда же учителя выполняют только разного рода указания сверху, так называемые административные инициативы, они являются служащими, наёмными работниками, но ни в коем случае не людьми, от которых требуются профессиональные действия, достижения. Только участие в инновациях даёт им возможность почувствовать вкус профессии.

— Как повлияла новая система оплаты труда в школе на моральное состояние в коллективах?

— Вы, наверное, хотите услышать, что мол, плохо повлияла, но я так не считаю. Для педагогических коллективов в их нынешнем состоянии абсолютно недостаточно оснований для профессионального различия, обмена, общения. Скажите, какой возможен обмен, если мы все одинаковы? Я в своё время услышала замечательную, уж и не знаю кому принадлежащую фразу: «Если мы все одинаковые, то зачем мы друг другу?». Напротив, стимулирующая оплата позволяет проявить разный профессиональный уровень, разные достижения.

В школе, где я работаю, внедрение стимулирующей дифференцированной оплаты началось в 1993 году, практически за 20 лет до того, как это стало официальным требованием реформы. И мы постепенно вмес-

те с педагогами дорабатывали положение о дифференцированной оплате, и когда стимулирующая система появилась, мы обрадовались: это подтверждение правильности того, чем мы занимались очень долгие годы. В этом смысле у нас в коллективе наработаны основания относительно распределения финансовых средств (не просто происходит деление: этому нужно дать побольше, а этому поменьше), каждый педагог может сам сделать выбор, в каком направлении ему развиваться.

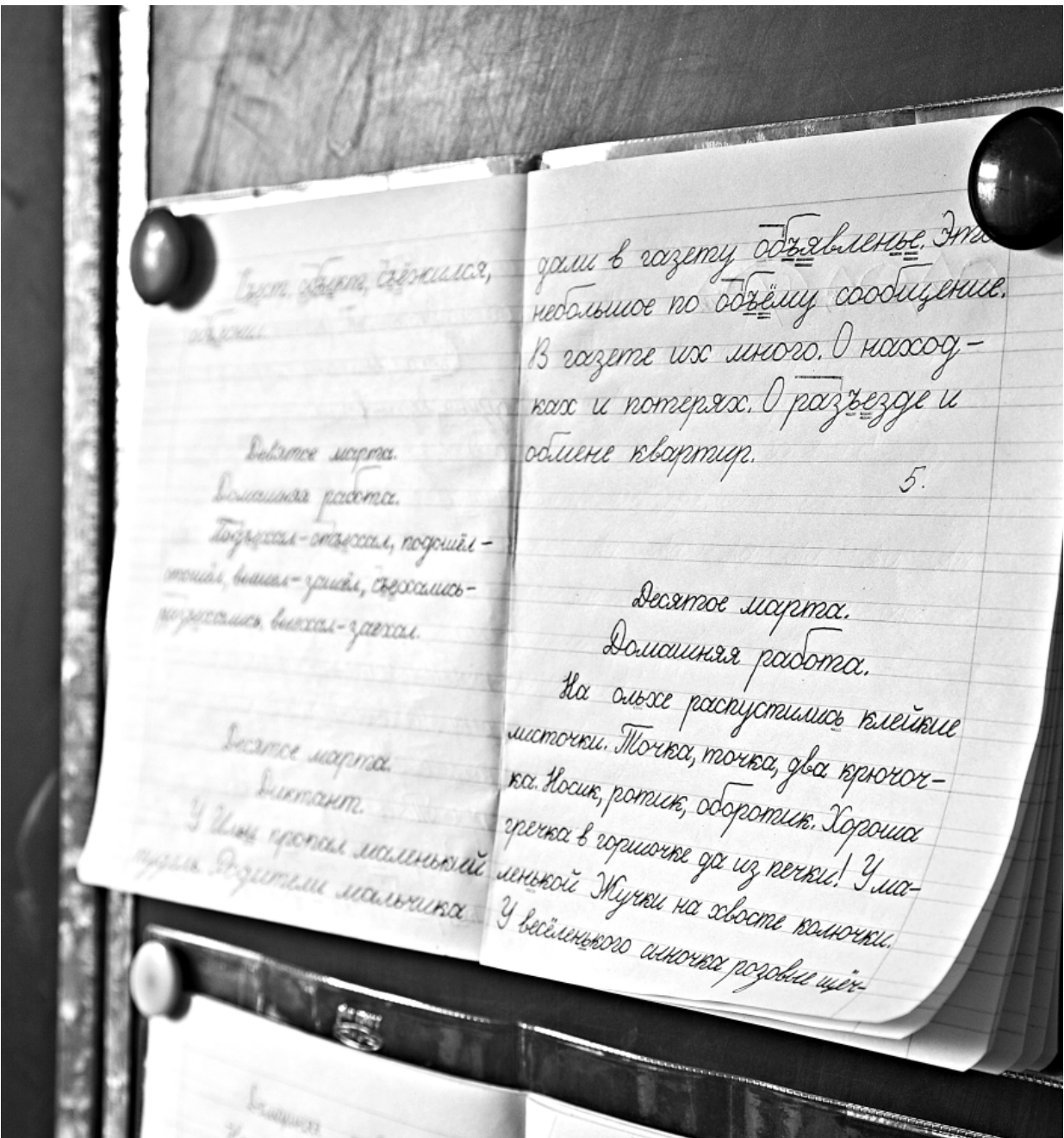
Томск вообще специфический город: много школ уникальных, имеющих имя, и в этом смысле я их называю школы-экземпляры, индивидуумы. Это и «Эврика развития», и школа «Монтессоре», «Вальдорфа», школа «Академ-лицей», «Пеллинг». То, что у школ появились названия и их очень много, указывает на позитив в образовании.

— Но как проследить конечный эффект?

— Думаю, надо отслеживать эффекты, которые возникают по ходу дела. Я очень скептически отношусь к утверждениям педагогов, что результаты их деятельности можно будет измерить через 10 лет, когда дети выйдут в жизнь. Это безответственная установка: что там будет через десятилетие — посмотрим.

Я считаю, что результаты можно видеть на каждом уроке: они — в отношениях в школе, в её атмосфере, в том, как работают педагоги и как строится их взаимодействие с детьми ежедневно. В этой связи в моей школе меня радует многое, отношение детей к школе в основном позитивное, а положительная мотивация на учение сегодня констатируется в очень немногих школах. Самое же главное — это самостоятельность, образовательная компетентность ребёнка, когда он понимает, как можно образовываться, куда двигаться.

— Галина Николаевна, раньше была просто школа, потом появились такие юридические формы, как гимназия, лицей, сейчас поговаривают, что будет узаконена и смешанная форма: гимназия — лицей.

— Документы разные, слухи разные, и я не очень хорошо понимаю, что здесь будет происходить. К сожалению, не организовано само обсуждение профессиональным сообществом тех изменений, которые предполагается сделать. Где-то, как-то, кто-то чего-то слышал. То, что я слышу, меня очень беспокоит. В последние годы дифференциация образовательных учреждений очень высокая. Я считаю, это очень позитивный момент, потому что возникает обмен между образовательными учреждениями, растёт их интерес друг к другу. В Красноярске тоже вместо номеров школ появляются имена, прецедентные названия, отличающиеся. Если мы говорим об индивидуализации ребёнка — реально ли она без индивидуализации практик? Сомнительно.

Новые веяния хорошо бы обсуждать. Если они направлены на сворачивание дифференциации — это очень печальный факт. Если они продолжают идею дифференциации только государственных учреждений, это тоже печальный факт. Давно обсуждается, что появятся авто-

номные образовательные учреждения — может быть это тот путь, который необходим сейчас образованию?

— В настоящее время идут дискуссии по поводу того, чтобы сделать образование 12-летним. Раньше и учились меньше (9-10 лет), шли в школу неподготовленными, и мотивация к учёбе была. А сейчас и подготовлены, и результаты нет. Что же происходит?

— У нас постоянная озабоченность, чтобы одна ступень школы готовила к другой ступени. Я считаю, что это очень вредная установка.

Каждая из ступеней школы — самостоятельна. А если она начинает готовить к следующему этапу, теряет свою специфику. Посмотрите, что в последние годы происходит со школой? Она фактически превратилась в придаток вузов, перестала быть самостоятельным звеном.

Когда я училась, нас никто напрямую в вузы не готовил. Мы детсад проживали как детский сад (игра, базовая деятельность), шли в школу с трепетом и ожиданием чего-то нового. И в подростковую школу мы шли с ощущением того, что там будет совершенно новое пространство. В последние годы колоссальные усилия были направлены на то, чтобы ликвидировать эти пере-

ходы, а с другой стороны, психологи нам говорят, что переход — он и есть образовательный, его нельзя ликвидировать.

Судите сами: если детсад сегодня зачастую — это подготовка к школе, там проходят бесконечные занятия и раздаются задания, то с каким интересом ребёнок пойдёт в школу? Я считаю, что это очень серьёзная проблема сегодня — отказаться от того, чтобы каждую ступень рассматривать, как подготовку к следующей. Напротив, каждая ступень пусть будет отдельной, самостоятельной. А переход из ступени в ступень — такое особое образовательное пространство.

— Как рождаются реформы? Их не согласовывают с профессионалами в области образования? Сколько было мнений по поводу ЕГЭ — против него высказывались и педагоги, и учёные, и руководители вузов, но к ним никто не прислушался...

— Действительно, существует разрыв между административными инициативами и отношением к ним, обсуждением их в педагогических коллективах. Это факт, хотя мне кажется, что в последние годы как раз в этом отношении хорошие подвижки. По многим инициативам, прежде чем принять решение, идут обсуждения. С ЕГЭ такого не случилось: он был введён, и только после этого стал обсуждаться везде, на всех уровнях. Однако признание тех, кто его замысливал и вводил (в частности, В.А. Болотова), в том, что ЕГЭ не может быть единственной формой проверки знаний учащихся, внушает оптимизм, что достижения отечественной школы не будут уничтожены.

Вера КИРИЧЕНКО

ДОСЬЕ

Прозументова Галина Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой управления образованием факультета психологии Томского госуниверситета, директор НОЦ «Институт инноваций в образовании», почётный работник высшего профессионального образования. Окончила ТГУ в 1970, в 1979 году защитила кандидатскую, в 1992 году — докторскую диссертацию. Является консультантом и экспертом по вопросам гуманитарного управления, исследования инноваций, образовательного менеджмента, проектирования инновационных процессов в образовании, создания программ развития образовательных учреждений.

Автор более 100 публикаций, нескольких монографических исследований. Подготовила 7 кандидатов и 2 доктора наук.

Это люди, имеющие высокую самооценку и уверенность в себе, своих способностях и возможностях. Необходимо также подчеркнуть, что профессиональное выгорание меньше касается людей, имеющих опыт успешного преодоления профессионального стресса и способных конструктивно меняться в напряжённых условиях.

Стресс не причинит беспокойств, если человеку присущи высокая подвижность, открытость, общительность, самостоятельность и стремление опираться на собственные силы. Наконец, важной отличительной чертой людей, устойчивых к профессиональному выгоранию, является их

способность формировать и поддерживать в себе позитивные, оптимистичные установки и ценности — как в отношении самих себя, так и других людей и жизни вообще.

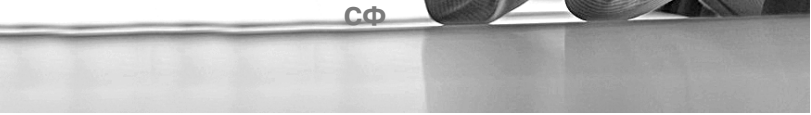
Специально для учителей нашего региона психологи Красноярского педколледжа № 1 разработали 72-часовую программу по борьбе со стрессом и профессиональным выгоранием.

Основная идея заключается в том, что мы сами являемся друг для друга источником положительных эмоций, поэтому позитивные отношения в педагогическом коллективе, периодические совместные разрядки могут стать отличным средс-

твом преодоления стресса и защитить учителей. Для этого каждому педагогу важно овладеть технологией позитивного мышления, которая состоит всего из трёх шагов: позитивный настрой на одно конкретное дело, позитивное убеждение себя в чём-либо в течение двух-трёх месяцев и, наконец, позитивное мышление по жизни.

Выгорание, говорят специалисты, вещь заразная. Если вы замечаете в своих коллегах чувство безразличия и изнеможения, если они всё чаще срываются на своих подопечных, если им кажется, что они потеряли своё былое мастерство и более непригодны для обу-

чения детей — самое время задуматься о том, чтобы дать коллективу возможность эмоциональной разрядки. В рамках конференции «Педагогика развития» авторы антистрессовой программы провели для учителей Красноярья полторачасовой тренинг. Уже через полчаса в глазах педагогов начали зажигаться искорки. И пусть одна такая встреча не может решить проблему кардинально, однако, если продолжать высекать искры положительного настроения, огонь в учителе обязательно запылает вновь.

Современному педагогу следует быть интереснее компьютера

Не секрет, что в педагогику люди приходят не только из пединститутов. Тяга учить других, которую Толстой называл честотой души (поскольку видел в ней свою греховную склонность морализировать), имеет и более возвышенное обозначение: призвание к учительству. Наш собеседник Андрей Валентинович СПЕРАНСКИЙ, вот уже 25 лет теоретически и практически работающий в образовании (преподаватель в школе и в вузах, лектор курсов повышения квалификации учителей, кандидат философских наук), по базовой специальности — инженер электронной техники. Но его путь в педагогику никак не назовёшь случайным.

— Как я понимаю, Вы в педагогику пришли, даже не пытаясь пробовать себя в работе по специальности...

— В конце 70-х годов в Советском Союзе благодаря кличу Челябинского и Костромского пединститутов по всей стране стали создаваться педагогические отряды — при райкомах, горкомах комсомола... Туда записывались молодые люди от 18 до 25 лет, которые готовили летние смены, проводили акции и мероприятия. Получив этот опыт, я потом три года проработал в «Артеке», главным пионерском лагере страны.

«Артек» мне много дал. Помимо того, что это была большая игра, попав в которую, люди менялись радикально, туда приезжали ведущие учёные, специалисты Советского Союза, читали нам лекции — причём обычно уже ночью, после отбоя, так что это особое ощущение.

— А в 1988 году Вы приехали в Красноярск и попали в самую гущу педагогических поисков того времени...

— Эти поиски шли по всей стране. Оказалось, что в разных уголках Союза стихийно и нереглярно работали педагоги-новаторы: ДАВЫДОВ, ШУЛЕШКО, ШАТАЛОВ, ГОНЧАРУК, ДЬЯЧЕНКО (эти двое потом приехали в Красноярск), ШМАКОВ, БИБЛЕР. В Красноярске решили всё это собрать и ездили по стране, приглашая сюда последователей этих людей.

— Забегая вперёд — почему их потом растеряли?

— Как правило, это люди-бунтари. Они дают отпор направо и налево, за словом в карман не лезут; чиновникам это никогда не нравилось. Вторая причина коренится в самой природе эксперимента. Каждый исследователь знает, что минимум половина экспериментальных действий оканчивается неудачей. В естественных науках такие результаты просто выбрасывают на помойку. А в педагогике куда всё это выбросить? Так что я лично против экспериментов. С точки зрения социологии все ситуации инноваций — это отклонения или мутации. Их может быть два вида: которые разрушают организм и которые развивают. Когда в Красноярске собрали всех экспериментаторов, стала развиваться педагогическая сверхмутация. Поражались идеи, много серьёзного в Красноярске в конце 80-х-начале 90-х годов происходило. Но была проблема: управляема ли эта реакция? Оказалось, что неуправляема.

— Что, педагоги такие безответственные люди?

— Нет, просто в ходе эксперимента появляются неожиданные реакции, сочетания (на уроках, среди детей, в профессиональном коллективе), которые невозможно оценить. Если бы нашёлся управленец, который бы ограничил диапазоны, не влезая внутрь, процесс можно было вытащить... Но ситуацию решили проще — «развезли» бунтарей, завуалировав это под естественный процесс в ситуации недофинансирования, которая в те годы достигла своего пика (однако в других регионах в тех же условиях кадры смогли сохранить). Вместо настоящих носителей содержания пришли

люди, которые знают термины, но не знают практики. Жонглирование словами есть, но при выходе на практику — швах.

— Тогда, в 90-х, Вы занимались социологическим исследованием школьной ситуации. Как называлась тема Вашей кандидатской диссертации?

— «Социальное пространство ученического класса». Опытный материал собирал по всем школам края, поскольку работал в Институте повышения квалификации работников образования, и была возможность сотрудничать с разными районами. На момент защиты обработал 7,5 тысяч анкет, сейчас их вдвое больше. Один из выводов исследования, который вызвал удивление у московской профессуры во время моей защиты, — что учебный процесс разрушающе действует на эмоциональную сферу. Когда я сам получил этот результат, три месяца не мог подойти к диссертации. Одно дело предполагать, что что-то не так в школе, другое — знать...

— Вы продолжаете исследовать эту тему; есть на это заказ?

— Да, администрации школ часто в этом заинтересованы. Во-первых, выводы позволяют корректировать поведение педагога, мы выясняем, какие поступки могут вызвать агрессию детей. Второе — обозначаем, при каких условиях возникает противоречия. Третье — какие перспективы для ребят будут заманчивы, как их развивать.

У нас пока что получается. Из-за недостатка диагностики ученической среды педагоги не могут ситуативно работать, пользуются не теми инструментами. И, как правило, опаздывают, опаздывают очень серьёзно.

При этом за 22 года работы я пришёл к выводу, что наши педагоги — достаточно квалифицированы, чтобы спокойно делать своё дело. Но у них имеется два устойчивых противодействующих фактора. Это административное давление (как правило, не директора) и родители. Если в советский период мнение педагога принималось как авторитетное свидетельство о состоянии дел у ребёнка, то теперь только ленивый не хает школу и учителей.

— Какие эффекты дала образовательная реформа?

— Осязаемых для общества эффектов ни обыватели, ни профессионалы не получили. Проблема оказалась значительно сложнее, чем мы все ожидали 20 лет тому назад. К тому же реформа образования совпала с реформированием экономической системы общества, поставив неизбежный вопрос: сколько стоит образование? Я далёк от пессимизма, но увидеть очерта-

ния конца образовательных реформ никто не способен. Сейчас решается проблема сохранения достижений российского образования, а они за несколько веков впечатляющие.

Я предлагаю любые изменения в системе образования рассматривать с позиции естественности, достаточности и необходимости. Как показал опыт федеральной программы «Образование», государство может только «подкачать» ресурсы. Всё остальное должны делать люди: педагоги, родители и управленцы.

Реформы требуют консолидации значительных усилий, не только материальных, но и духовных, нравственных. Это не громкие слова. Образование требует большей самоотдачи, чем в спорте.

Всё, что сделано к сегодняшнему дню, я рассматриваю как первые шаги к масштабной реформе.

— Если говорить о содержании образования: каковы его составляющие? Смена парадигмы на компетентностную — это про то?

— Содержание образования обсуждается более 20 лет, но общего понимания, что это такое, так и нет.

Когда встал вопрос о признании нашей системы образования на Западе, стали формироваться международные механизмы контроля качества образования. Оказалось, что наши выпускники средних школ занимают от 25 до 49 места в стандартах западной подготовки. Западная система говорит: мы должны учить функциональным знаниям. Скажем, выпускники 9-х классов должны расшифровывать и понимать все знаковые системы: пентаграммы, тексты, графики и т.д. Ведь информация передаётся за счёт кодификации, то есть массовые коммуникации собирают, шифруют, передают информацию, каждый раздел которой по-своему распаковывается. А в нашей школе не учат декодировке.

И вот отсюда к нам пришла задача: давать не столько знания, сколько компетенции. Это знания, которые мы используем в различных ситуациях и с помощью различных средств. Но опять же, если мы говорим о компетенциях, то, с одной стороны, должны формировать творческий подход к имеющимся знаниям, а с другой — дать чёткое представление нашим выпускникам о том, чего они НЕ знают, как на Западе. Мы же в этой ситуации выпадаем в панику: ах, ребёнок чего-то не знает, у него окажется низкий интеллектуальный уровень!

— То есть мысли о том, что ребёнка можно чему-то не учить и чего-то ему не давать, у нас не допускается.

— Да, и поэтому в отечественной педагогике до сих пор жив девиз: если учитель ставит двойку, то это двойка не ребёнку, а самому себе.

Но есть и другая поговорка: можно лошадь привести к водопою, но нельзя заставить её напиться. Своим ученикам я всегда говорю: только вы сами можете стать хозяевами своего интеллекта. Если ваш интеллект начнёт развиваться я, вы будете моими рабами. Своим интеллектом, как личной гигиеной, человек должен заниматься сам.

— Подозреваю, что вопрос «чему учить» актуален для теоретиков, но не для предметников. Думаю, их волнуют другие проблемы. Что, кроме низких зарплат, можно назвать главными проблемами школы?

— Критерий объективной оценки знаний учащихся. Дети приходят с разным уровнем развития и подготовки. Затем они выходят с каким-то другим уровнем. И как выделить эту разницу?

Второе: дети находятся под опекой двух общественных институтов — школы и семьи. И нет объективных критериев ответственности обеих сторон.

Третье: проблема со всеобщем. До революции, когда школа была труднодоступной для нижних слоёв общества, туда очень стремились.

— А у детей уже в советской школе не было мотива учиться. То есть существующие проблемы — у школы как общественного института?

— И как системы, портрета которой — какой бы мы её хотели видеть — у нас нет.

— В чём радикальное отличие советской школы и современной российской?

— Советская школа всегда была самодостаточной. Запад ей был не указ. Была унифицирована — легко предсказывалось, какую тему и по какому предмету изучают ученики и в московской, и в красноярской, и среднеазиатской, и прибалтийской школе.

Сегодня уровень автономности у российских школ, безусловно, выше, но это требует и более высокого уровня ответственности у директоров.

Изменился характер взаимодействия ученика с учителем в учебном процессе. Ученики чаще выступают в дискуссии, даже ради самой дискуссии.

Сталь Анатолевич ШМАКОВ, академик Росийской академии образования, как-то сказал: «Педагог должен быть интереснее телевизора!». Современному педагогу следует быть интереснее компьютера.

— Должна ли школа непрерывно обновляться?

— Без инноваций школа жить не будет. Но парадокс в том, что инноваций уже стали традицией. Школу завалили бумагами. Одно дело, если инновациями занимается сама школа, и другое — если этим занимается вышестоящие органы. Они что-то придумали и спускают, да ещё отчёта требуют.

Ну ладно, педагоги стонут. Но сами-то чиновники, получив такой большой объём информации — в виде отчётов, справок и проч. — что будут с ним делать? Зачем им? Это всё не в коня корм, отчёты не развивают систему образования. В электронике есть понятие «реактивные токи», которые не совершают работу, но нагревают провода. Из-за этого резко падает КПД. Вот и в образовании деятельность чиновников я бы назвал «реактивное управление».

— Проблема выбора: может ли та или иная программа обучения (ЭЛЬКОНИНА-ДАВЫДОВА, ЗАНКОВА и др.) радикально изменить подготовку, а с ней и дальнейшую жизнь ребёнка?

— К содержанию это не относится. Программы — это лишь выстраивание содержания в той или иной логике. Поэтому не столь важно, по какой программе учиться, важно — у кого. Кстати, я до сих пор не могу понять, почему о множественности выбора заговорили только сейчас? Знате ли вы, что в Советском Союзе было 7 учебников математики? Я знаю это благодаря «Артеку», куда приезжали дети из разных уголков страны. Но сегодня эта конкурентная среда, всегда существовавшая внутри профессионального сообщества, выплеснулась на голову родителей.

— А в чём смысл смены учебников?

— На мой взгляд, только в деньгах. На самом деле, хороший учебник появляется раз в 20 лет. А лучший учебник арифметики (по своим методам), например, это учебник МАГНИЦКОГО, который создан в начале 18 века.

— Но если хорошие учебники часто заменяют плохими — зачем это учителю?

— Учитель — рядовой. Какой учебник закажет району, по тому он и будет учить. В хорошем учебнике концепция должна быть ясна сходу, кодификация — культурно обусловлена, задания внятные и понятны, но не примитивны, а сам учебник должен входить в учителя и ученика, не застревая по краям. Хороший учебник — это явление культуры, и не следовало бы от него отрекаться в угоду сиюминутности.

— От учебника зависит образование?

— Да. Если нет учебника, педагог вынужден повторять одно и то же. Учебник закладывает культуру самостоятельной работы ученика.

— Чему бы Вы хотели, чтобы школа научила Ваших детей?

— Старшего, который сегодня заканчивает первый курс вуза, она-таки научила взаимодействовать со своей средой. Всё остальное он взял сам. А младшего — хорошо бы, чтоб научила не столько даже знаниям, сколько умению их представлять, культуре поведения, культуре интерпретации. Хотя и знаниевая составляющая должна быть на высоком уровне.

Олеся ГЕРАСИМЕНКО

Читайте в электронной версии газеты

В апреле в нашем городе прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Педагогика развития: движущие силы и практики развития». Читайте на sibforum.sfu-kras.ru:
>> интервью с И. РЕМО-РЕНКО, директором департамента в министерстве образования РФ;
>> Б. АРХИПОВЫМ, главным врачом Службы детского здоровья, научным руководителем Института современного детства (Москва).
А ниже мы предлагаем вашему вниманию мнения участников конференции на тему профессионального роста педагогов.

Кейс реального опыта

В.Э. ПАХАЛЬЯН, кандидат психологических наук, профессор Московского института открытого образования.

— Виктор Эдуардович, что необходимо изменить в системе повышения квалификации педагогов?

— Если речь идёт о повышении квалификации, то у человека она уже должна быть, должен присутствовать тот самый кейс реального опыта. Если он есть, то можно его изменять и как угодно расширять содержание. Педагог ведь не ученик, который боится отметки, и он приходит узнавать об ином, готов психологически к этому иному. Если так строить процесс подготовки, то учителя будут работать на качественно более высоком уровне.

Сегодня в России вариативная модель образования: в каждом регионе — своя. В нашу систему повышения квалификации проникает теория и практический опыт других стран — что, безусловно, положительный момент. Кроме того, педагог может выбирать из огромной массы предложений что-то конкретное под себя.

— Проводились ли какие-либо исследования по изучению уровня квалификации учителей общеобразовательных школ?

— Вопрос в том, по каким критериям это измеряется? К сожалению, в большинстве случаев по знаниям, а не по компетенциям и не по личностной готовности. Вот хороший пример: в педагогических вузах, где готовят учителей, количество часов по психологии с 1980 года увеличилось в разы, но критерий психологической грамотности не учитывается ни при аттестации, ни при назначении зарплат, ни при назначении на должность. Зачем увеличивать часы, если это не используется как критерий профессионального роста?

Психолог для учителя

В.С. СОБКИН, директор Института социологии образования РАО, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, г. Москва.

— Владимир Самуилович, учитывает ли аттестация психологическое соотношение учителя, в том числе такое качество, как стрессоустойчивость?

— К сожалению, нет. В психологической подготовке вообще масса проблем: ни в вузе психологической культуре не уделяется серьёзное внимание, ни тем более в процессе переподготовки и повышения квалификации. Школьная психологическая служба должна работать не только с детьми, но и с учителями. Причём, работать постоянно. Это важный момент, поскольку педагогическая деятельность связана с переживаниями, эмоциональными перегрузками, — не зря ведь придумали термин «профессиональные выгорание». Проблема с каждым годом усиливается... Самое смешное, что у нас даже школьные психологи не готовы к работе с учителями, их ведь ориентировали на детей. Так что психологическая поддержка учителя — серьёзный вопрос, который предстоит в ближайшее время решать. **СФ**

Модель реальности требует корректив

«Образование — то, что остаётся, после того как забывается всё, чему нас учили»

А. Эйнштейн

Есть разные точки зрения на состояние современной мировой науки и образования. Одни говорят, что эти сферы переживают системный содержательный кризис, другие верят в то, что мы стоим на пороге удивительных открытий. А вот в концепции доктора химических наук, профессора СФУ Владимира Павловича ЖЕРЕБА эти два взгляда непротиворечиво объединены: да, кризис налицо; но и выход из тупика очевиден.

Современная наука и связанное с ней образование не способны решить глобальные проблемы человечества потому, что ограничили логические основы своих теоретических представлений. Собственно «человеческое» не входит в сферу научного, т.е. теоретического знания. Такой ограниченный рационалистический подход к познанию «вытравливает» духовность из образования и из всех сфер человеческой деятельности. А значит, эту духовность надо вернуть.

— Владимир Павлович, но ведь духовность — это немного не по ведомству науки...

— Самое печальное, что в начале XXI века, на 2010-м году христианской цивилизации, мы живём практически в бездуховном мире. Почти все сферы человеческой деятельности в лучшем случае обходятся понятиями «права человека», трактуют их из соображений экономической или политической выгоды. Виновата наша человеческая ограниченность, духовная неразвитость, которая в XX веке проявилась в скрытом или явном, даже воинствующем, как в СССР, атеизме. Вера в Творца наблюдаемой нами реальности, в творческое начало в человеке заместила «верой в науку». Последнее, как всякая религиозная ересь, обернулось не только страшными бедами для человечества, но и серьёзными проблемами в науке. Классическая наука — этот очевидный и впечатляющий атрибут христианской цивилизации — создавалась глубоко верующими людьми. Более 98% учёных до XX века были христианами. Гений «всех времён и народов» Исаак НЬЮТОН — не только величайший учёный, но и выдающийся богослов своего времени. Наука была тем, чем она и сегодня должна быть — инструментом творческой деятельности, средством разрешения актуальных (в том числе глобальных) проблем человечества.

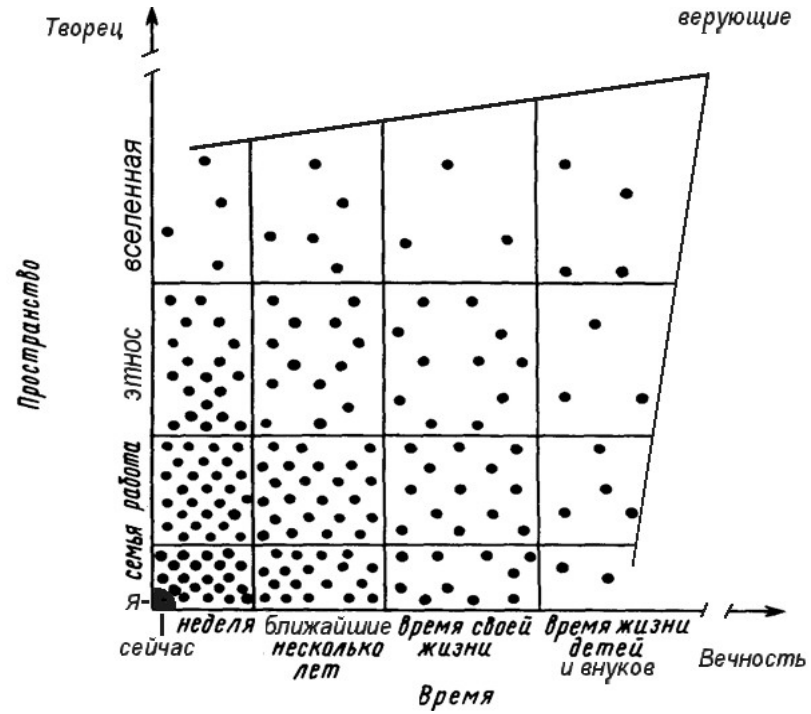
Разрешает она их исключительно на основе выявления причинно-следственных отношений реальности. Что это даёт человечеству? Возможность надёжного прогноза состояния любого объекта на определённую глубину времени. Заметьте, не гадать, не обращаться к астрологам или экстрасенсам, а теоретически прогнозировать, количественно рассчитывать или, как ныне принято говорить, моделировать будущее!

Но в освоении реальности человечество использует не только рациональное, но и образное мышление. У отдельного человека эти две формы практически неразделимы и обеспечивают целостное мировоззрение. Но отдельный человек — не аналог человечества. У человечества образная и рациональная формы освоения реальности представлены разными социальными институтами — религией и наукой, которые, к сожалению, в настоящее время разобщены вплоть до враждебности. На опасность такого состояния человечества указывали многие выдающиеся учёные. В. ГЕЙЗЕНБЕРГ, Нобелевский лауреат по физике, обсуждая с другим выдающимся физиком В. ПАУЛИ отношения своего учителя Макса ПЛАНКА к науке и религии, говорил: «Обе сферы — объективная и субъективная стороны мира — у него чётко разведены. Но мне такое разделение немного не по душе. Я сомневаюсь, что человеческие общества могут долгое время жить с таким резким ограничением знания и веры».

Человечество же не только отделило религию и науку, но и ограничило своё освоение реальности в XX веке только наукой, сильно сократив, тем самым, возможности этой рациональной формы. В таких действиях, очевидно, проявляется незрелость человечества, Именно в этом следует искать природу наших глобальных проблем.

— Многие с Вами не согласятся: причиной глобальных проблем сегодня чаще всего считают ограниченность природных невозобновляемых ресурсов. А выход из сложившегося положения — в инновациях, нанотехнологиях, модернизации...

— Ещё в начале 1972 года в первом проекте Римского клуба «Пределы роста. Сложное положение человечества» исследовательской группой под руководством Денниса МЕДОУЗА было показано, что если человечество

Область человеческих интересов. Далеко вперед заглядывают немногие...

сохранит сложившийся характер своей деятельности, к 2100 году его численность на нашей планете уменьшится почти на треть. То есть Homo sapiens как вид биосферы окажется на грани исчезновения! При этом авторы проекта убедительно показали, что невозможно избежать грозящей человечеству катастрофы никакими новыми сберегающими технологиями или техническими решениями.

Рассмотрим простой пример. Уволенный с выходным пособием человек не решит свои проблемы только за счёт экономии, снижения своих затрат — деньги всё равно закончатся. Радикальное решение проблемы «светлого будущего» связано только с успешным поиском новой работы. В проекте Римского клуба показано, что избежать катастрофического сценария будущего, к которому ведут неудержимый рост потребления ресурсов и экстенсивный путь развития, можно лишь при отказе от потребительского стереотипа поведения человечества и кардинальном изменении критериев прогресса, критериев цивилизации.

Отмечу в свою очередь, что поиск новых критериев устойчивости для человечества возможен только научным путём.

Никакие политики, юристы, успешные хозяйственники и просто хорошие менеджеры такие общие критерии предложить не смогут! Это так же очевидно, как и то, что эти люди, какими бы хорошими специалистами и порядочными людьми они ни были, не смогут спроектировать самолёт.

А человечество — объект несопоставимо более сложный, чем самолёт.

— Но можно, наверное, утверждать и обратное — что именно наука являлась причиной многих глобальных проблем.

— Такая точка зрения возникла не на пустом месте. Достаточно вспомнить глобальные угрозы, связанные с атомной энергетикой, генной инженерией,

ей, нанотехнологией и т.п. Само по себе научное знание является достоянием довольно узкой группы лиц и для человечества никакой опасности не представляет. Как только научное исследование получает «технологическое» развитие, начинает применяться для решения каких-то общественных задач, так сразу возникает угроза открытия «ящика Пандоры» — возникновение непрогнозируемых проблем, более опасных, чем те, которые решались. Причина этого — в слишком либеральном отношении к понятию «научная теория», которое утвердилось в науковедении в XX веке. Ныне теорией может называться любая, нередко умозрительная, гипотетическая причинно-следственная связь. Ужаснее всего, что часто этого достаточно, чтобы начать на её основе проводить реформы.

вляются в преимущественном направлении от их концентрированных форм к рассеянным. Т.е. протекают в сторону большого хаоса. Диссипативная модель реальности стала использовать новый абстрактный объект — систему, которая представляет собой особую целостность, обменивающуюся веществом и энергией с окружающей средой. Устойчивое состояние системы — равновесие, но вдали от равновесия, оказывается, система под влиянием внешнего воздействия способна самоорганизовываться, то есть превращать хаос в порядок. Это оказалось приложимо не только к физическим, но и к биологическим явлениям. Созданная новая область науки — синергетика — позволила описывать сложное поведение многих природных объектов, но осуществлять прогноз социальных явлений она в полной мере не способна.

— Антропная модель реальности, которую Вы предлагаете как новую концепцию естествознания, способна это сделать?

— Для успешного прогноза состояния человечества необходимо использовать такой абстрактный объект, который был бы адекватен человечеству. Необходим новый фундаментальный принцип. Таким принципом, по моему глубокому убеждению, является антропный принцип, сформулированный астрофизиками в 60-е годы прошлого века.

Вся наша Вселенная основана на наборе фундаментальных констант. Их соотношения и связь — главное условие существования Вселенной и человека. «Разумность» этих связей и явлений заставила учёных провозгласить этот третий фундаментальный принцип — антропный. В частности, астрофизик Стивен Хокинг утверждает, что наблюдаемый вид Вселенной не случаен, что он является результатом её тонкой подстройки, которая осуществлялась для того, чтобы на некотором этапе эволюции появился наблюдатель — человечество. В гуманитарных дисциплинах разработана теоретических представлений вообще невозможна без учёта особой роли человечества во Вселенной. Антропный принцип означает, что во Вселенной присутствует творческое начало, т.е. Творец.

— И, видимо, Вы считаете, что вооружённый антропным принципом человек сможет решить глобальные проблемы?

— А вы знаете, что именно у верующих людей — наибольшая сфера интересов, хотя традиционно мы привыкли считать, что они «зациклены» только на своей религии? Вот несколько историческая схема, которую использовали в проекте «Пределы роста», чтобы показать, кто способен решать глобальные проблемы человечества. Только те люди, сфера интересов которых по пространству и по времени соответствует масштабу проблем. Очевидно, что это те, кто по времени не ограничен только своей земной жизнью и пространственно не мыслит своё существование лишь в рамках «семья-работа».

— Вы читаете этот курс студентам уже почти 15 лет, подготавливаете учебное пособие. Как воспринимаются эти идеи в научной и студенческой среде?

— Студенты — очень хорошо воспринимают, среди учёных тоже есть соратники. Уверен, что на основе этой концепции просто необходимо построить всё среднее и даже начальное школьное образование.

Разработанная В.П. Жеребом «Концепция рациональных моделей реальности» имеет наддисциплинарный характер и позволяет на общей логической основе объединить сложившиеся в естествознании и в гуманитарном знании теоретические представления, обеспечивая возможность разрешения глобальных проблем человечества. На более полно представлена в учебном пособии: В.П. Жереб, А.А. Снежко, С.С. Ивасёв «Концепции современного естествознания», СибГАУ, 2009.

Александр ЛЕШОК

Повестка дня для сферы образования

(Окончание.

Начало на стр. 2)

О.Л.: Доходит до смешного. Люди учатся на коммерческой основе — и дают преподавателю деньги, чтобы тот им поставили зачёт.

А.Б.: Но сама эта проблематика высшей школы не существует изолированно. Просто те специалисты, которых вузы готовят для реальных производств, оказались невостребованными. Как эту машинку заново запустить — проблема. Хорошо, есть завод цветных металлов, РУСАЛ, для которых готовит кадры Институт цветных металлов и материаловедения. Но есть масса профессий, которые некуда деть. И они действительно получают диплом, но социализируются уже в тех местах, где не требуется интеллектуальная деятельность.

О.Л.: Продолжая об общественном договоре. Специфика России в том, что у нас очень большое количество всякого труда идёт на декорации. Декоративное право, которое сами правоохранительные органы нарушают; декоративное местное самоуправление, где рулит Федерация. И, оказывается, существует декоративное образование. Человек идёт в вуз, но, скорее всего, ничему там не научится.

В.Е.: Научится, но только в том случае, если ему, во-первых, повезёт, а во-вторых, если встроится в реализацию каких-то проектов, попадёт в проектную группу. Там он научится, потому что ему дадут конкретную задачу, требуют результат — и минимум компетенций он освоит.

А.Б.: В тех местах, где образование имеет нормальные связи с реальной сферой услуг и производства, там образование есть. Но от советского времени нам досталась избыточная относительно выживших производств система образования.

В.Е.: Да, на пальцах рук можно перечислить крупные компании, которые готовы задать новые профессиональные стандарты под новые технологии — а уже под этот заказ можно было бы выстраивать образовательные стандарты.

Ред.: И в чём же должен заключаться новый общественный договор?

О.Л.: Один идеал общественного договора предложил Руссо: образование строится исходя из нужд определённого полиса. Второй вариант — «монархический»: мы отдаём центру все права, а он уже несёт за нас ответственность. В рамках разных общественных договоров мы имеем разное образование.

В.Е.: Общественный договор предполагает продуктивный консенсус основных действующих групп, то есть родителей, обучающихся, профессионального сообщества, административного управления. Есть ли это продуктивное обсуждение, обратная связь?

А.Б.: Здесь не хватает ещё двух субъектов — крупных компаний и государства. Обратите внимание: единственное важное изменение, произошедшее в рамках СФУ, связано с Роснефтью. Компания строит здесь институт. На сегодняшний день экономически обоснованные инновации везде в мире подготавливают и реализуют на деньги корпораций. Второй субъект — государство. Университеты могут состоять как центры подготовки новых поколений специалистов, если будут запущены механизмы серьёзных, масштабных государственных и корпоративных грантов. Но дело не только в деньгах.

В.Е.: Сначала должна быть положена перспектива, которая нам, т.е. обществу, государству и бизнесу, кажется реальной, интересной и привлекательной. Тогда можно запускать механизмы, которые обеспечат эффективность вложений.

Ред.: Перспектива, как всегда, — догмать и обознать?

О.Л.: Сейчас все кинулись в инновации, почти самым главным стал наногерой. Но вообще говоря, инновации в сырьевой экономике не только не нужны, а вредны.

В.Е.: И в бюрократическом государстве тем более — мы это хотим улучшить?

О.Л.: Это то, что меня огорчает. Но что меня радует — инновации на сегодняшний момент не нужны и миру, потому что сейчас ситуация перепроизводства. Придумывать новые продукты не имеет смысла. И здесь возникает вопрос разумного потребления.

Модели, из которых мы выбираем

Ред.: Мне вспомнилась фраза: «Пилите, Шура, пилите». То есть оказывается, уже всем понятно, что какие-то вещи бессмысленны, но раз процессы запущены, мы по инерции в эту сторону движемся.

В.Е.: Мы затронули важную тему. Инновации как продолжение развития общества потребления — бессмысленная перспектива. Но тогда нужно переходить к другому формату существования. Мы включаемся в общество потребления или строим эколого- и культурно-сообразное общество с соответствующей экономикой, задачами развития и программами изменений?

Ред.: А где-нибудь в мире такое общество строится?

В.Е.: Ислам — один из возможных прототипов. Там прописана система ограничений — в потреблении, в поведении.

А.Б.: Я не согласен, что общество потребления закончилось. Ведь есть не только Европа и Соединённые Штаты, а Китай и Индия, где в общей сложности более 2,5 миллиарда населения. Они не наелись.

В.Е.: А что будет двигать ак-

тивностью людей после эпохи потребления? Здесь хоть кредитная система, которая выпрягает человека в отработку займов, позволяющих ему хорошо жить «прямо сейчас». А если не будет «кредитного кнута»...

А.Б.: Спорный момент касается больших идеалов. И эколого-сообразный проект, и проект креативной экономики — это переинтерпретация проекта эпохи Просвещения, которая задала идеал рационального человека, способного к творчеству. Становление такого человека и есть идеал системы образования. Но это лишь одна из продолжающихся линий. Есть другая, когда полностью отказываются от идеалов — остаётся исключительно прагматико-ориентированное образование. Оно действительно связано с обществом потребления, где учебное учреждение — такой супермаркет: приходишь и покупаешь, что тебе нужно.

Ред.: И что, сейчас мы должны модернизировать супермаркет?

А.Б.: Третий идеал связан с религиозными, духовными практиками (такое образование в исламских странах). Но возможен и четвёртый, под который образование может строиться. Он был выражен Германом Гессе в книге «Игра в бисер». Образование может иметь умозрительный характер как некая интеллектуальная эстетика. Когда нет общезначимых ориентиров, а ценится просто красота и изящество мысли. Это восходит к идеалам постмодернистского общества.

В.Е.: Все эти модели имеют место, когда работают. Когда имитируются — это имитация. И вообще образование не строится на основании одной модели, всегда получается нечто синкретическое. Хорошая инженерная школа, например, и сегодня может нести идею авангарда просвещения. Если у людей всё нормально с самоопределением — они приходят в образовательное учреждение, как в супермаркет, набирают, что нужно, и выходят в жизнь. То же с идентичностью. Ответ на вопрос «кто я?», «с кем я?» определяет причастность к той или иной модели.

Ред.: А наша система образования предоставляет такой выбор различных вариантов?

В.Е.: Посыл эпохи Просвещения в России сейчас теряет свою силу, потому что нет носителей этих идей, меняются представления о перспективе, нет общественных вложений. Это — падающая позиция. Все великие имена — уже картонные фигуры прошлого. В формате супермаркета образование готово работать, но если мы не знаем, что происходит на рынке труда, нет требований на компетенции — то набор продуктов получается декоративным. По мнению философа Олега ГЕНИСАРЕТСКОГО, сейчас Россия должна провести, в первую очередь, социальную

модернизацию и обеспечить новое качество социальной связанности. А пока у нас для этого даже языка нет, на котором мы эти вопросы можем обсуждать. Если не будет новой общественной связанности, то техническим решениям просто не на чем держаться, а риск здесь — на уровне существования самой страны. Вот где должны быть проекты модернизации.

А.Б.: Время, когда изменения устаканиваются и начинают работать, — 15-20 лет.

Реально восстановление осмысленных требований к системе образования началось где-то с 2004 года. То есть году к 2020-му мы получим определённую.

За порогом детства

Ред.: А если говорить о сохранении школьного образования — какая ситуация там?

А.Б.: Если ставить вопрос в связке «школа — профессиональное образование» (а не просто подготовка к вузу), то есть тема для разговора о содержании образования в старших классах.

В.Е.: За школой начинается взрослая жизнь, которая существует в форме профессий. Поэтому без этой рамки никуда. Когда-то школа была самоценным социальным институтом, но перестала им быть еще в 80-х годах. Осталась подготовка к профессионализации, но сейчас она подменена подготовкой к ЕГЭ. При этом выметены все формы (существовавшие в советские времена), которые обеспечивали понимание трудовой действительности и профессиональную ориентацию молодёжи.

А.Б.: Есть исследование, выполненное по заказу российского Союза промышленников и предпринимателей агентством «Эксперт». В нём анализировали мнение работодателей — чего не хватало выпускникам школ. И практически все, не сговариваясь, сказали, что выпускники школ не имеют никакого представления об организационной реальности. О том, как в организации принимаются решения, какие нормы существуют. Они тащат за собой либо семейные нормы, либо нормы дворовой компании (не прав — получи). И с этим приходится иметь дело работодателю. Так получилось потому, что школа у нас предметно-центрическая, и организационная социальная реальность в ней практически не представлена.

В.Е.: При этом предметы перестали закрывать познавательную потребность. Потому что сегодня, благодаря различным каналам информации, информационная грамотность

школьника сравнивается с информационной грамотностью взрослого. Школа становится неинтересна детям и работает просто как социальное хранилище. И пока не сформирована реальная государственная задача в отношении школы, там идут сплошные подмены, типа ЕГЭ.

Ред.: Так чем сегодня занимается школа?

В.Е.: Функцию научить читать и писать (тех, кто не умеет) школа как-то выполняет. Что происходит в средней школе — непонятно, потому что новое знание для детей не появляется, нет этой ценности. Старшая школа готовит к ЕГЭ. Хотя раньше школа была социальным институтом, где правила подчинения норме держались и выполнялись. Перестройка привела к тому, что криминально-дворовые порядки перешли и в социальные институты. Это плохо. Люди, приходя в организацию, не понимают, что такое дисциплина. А это одна из форм социальности — тогда человек занимает своё место, понимает свои функции, отвечает за них. Организационной компетенции школа должна учить точно.

А.Б.: Я бы настаивал, что школа вполне может осуществлять свою деятельность в ориентации на один из названных выше идеалов: просвещение, потребление, культурно-религиозная идентичность, постмодернистская эстетика.

Ред.: Скажите, а образование продолжает оставаться социальным лифтом?

В.Е.: Если раньше легко было представить взрослого, который показывал ребёнку на дворника и говорил: учись, а то тоже улицы мести будешь, и это работало, то теперь такая ситуация выглядела бы скорее анекдотично. Поскольку и люди с высшим образованием метут улицу.

Ред.: Что же тогда работает лифтом, который вытаскивает из низкого уровня жизни в более высокий — личностные характеристики, положение родителей?

В.Е.: Да, социальные связи, социальные кланы.

О.Л.: Блат.

Ред.: Как-то это бесперспективно звучит: учись — не учись, но если стартовые позиции родители тебе не обеспечили, ты никуда не пойдёшь.

А.Б.: Ответ здесь такой: ситуация изменится, когда будут запущены масштабные государственные и частные проекты, которые потребуют кадров. Возникнет спрос — сразу пойдёт дифференциация по признаку, кто может, а кто не может. Сейчас профессионалы не нужны, поскольку нет мест приложения.

О.Л.: Социальный лифт сегодня требует не столько знаний, сколько умений — например, управленческих способностей. Такие люди делают хорошую карьеру.

Тайны русской классики

Вы думаете, что настоящая литература всегда самобытна? А она строится по образцам. В древности в литературе ценилось именно повторение, уподобление прежнему тексту. В новой же литературе нам кажется, что ничего не повторяется, всё оригинально — разве мы спутаем ДОСТОЕВСКОГО с ТОЛСТЫМ?... Но, оказывается, при всей оригинальности в ней глубоко спрятан алгоритм цитации, повторяемости, бессознательная ориентация на образец. Повторяемость выражена в структуре и потому обнаружима. По крайней мере, так утверждает доцент кафедры русской и зарубежной литературы СФУ В.К. ВАСИЛЬЕВ. А ещё он говорит, что если эта эврика нам откроется, то перед нами возникнет уже не привычный предмет «история литературы», а совсем другой — история человеческого духа, ментальности.

— **Ваша книга по архетипам русской культуры отмечена на всероссийском уровне. Сложно коротко пересказать её содержание?**

— Работа связана с целым спектром фундаментальных проблем гуманитарных наук. Во-первых, с проблемой метода. Здесь вечно передовой край, ведутся бои, все высказывания злободневны. Популярная тема последних двух десятилетий — кризис, даже отсутствие метода в гуманитарных науках. Действительно, гуманитарные предметы таят в себе бездну эмоций, например, литература. Ещё в советское время многие учителя, особенно дамы, готовились к школьному уроку, как актёры. Приходили, со слезами и взмахами рук читали БЛОКА, ЕСЕНИНА... Эмоциональные девочки и мальчики влюблялись в такого учителя, влюблялись в литературу, потом поступали на филологические факультеты. Эмоции — это прекрасно. Значит, жив человек, глубоко чувствует мир, искусство. Но к эмоциям — уж в университете точно — нужно приложить и другое: упорядоченное знание, которое добывается с помощью метода. Типовой метод гуманитарных наук — системный, «структурно-типологический». Он общенаучен. В этой области гуманитарные науки ничем не отличаются от естественных.

— **Помните, мы изучали на филфаке типологию сказок ПРОППА...**

— Революционная работа «Морфология сказки» изменила облик гуманитарных наук именно в области метода. Книга вышла в 1928 году, в чём-то её положения откорректированы, но она из числа нестареющих. Нет серьёзных исследователей в области методологии, которые не ссылались бы на Проппа.

— **Его типология, вроде бы, так и осталась стоять особняком: к волшебным сказкам приложима, а к литературе вообще?**

— Вопрос тоже из числа фундаментальных, его формулировали многие авторы, в том числе сам Пропп: применим ли структурный метод к литературным текстам, есть ли в историко-литературном процессе повторяемость в больших масштабах? Одно дело «волшебная сказка», жёстко структурированный текст, но вот «Война и мир» или романы Достоевского — обнаружима ли в них структура, идентичная структуре текстов XI–XX веков? Существует ли единая, общая для них матрица?..

— **И Вы вытащили матрицу из литературы?**

— Можно и так сказать. Наука, конечно, коллективное занятие, но... Мне удалось описать два архетипических сюжета — о Христе и антихристе и о «добрых и злых жёнах». Они и позволяют «вытащить» матрицу.

Архетип — это первообраз. После того, как у нас в конце 80-х — начале 90-х начали интенсивно переводить труды Карла Густава ЮНГА, термин прочно вошёл в научный обиход. Но когда сегодня начинаешь смотреть, что

стоит за его употреблением, видишь, что в основном под архетипом авторы понимают «нечто, имеющее историческое измерение». У Юнга же исследование архетипического связано с психоанализом, с проникновением в глубинные пласты психики, «коллективного бессознательного». В этом эврика! Когда мы эту эврику игнорируем, говорим всего лишь «это было не вчера», зачем использовать термин? Как говорил Достоевский, сколько в этом от великой идеи, вытасченной на улицу?

— **Итак, Вам удалось в русской литературе, начиная с 11 века до сегодняшнего дня, обнаружить повторяющуюся структуру...**

— Да, в первую очередь структуру сюжета о Христе и антихристе. Четвероевангелие в христианской культуре читается много столетий, оно излагает жизнеописание Христа, но вот о зеркальном его отражении, антихристе, подобного текста не существует, он никем и никогда не написан. Хотя фигура противника Бога всегда интересовала и богословов, и исследователей, и они, так или иначе, реконструировали его жизнеописание. Повторяемость этого сюжета в русской литературе, смыслы, с этим связанные, — всё это просто потрясающе. Когда впервые работаешь с аудиторией, слушателям, привыкшим к своему представлению о литературе и тому, «как надо её понимать», приходится туго вато...

— **Но ведь не из любого произведения это можно вытащить?**

— Нет, конечно, однако ряд очень впечатляет.

— **А почему всё-таки Христос и антихрист, а не вообще Добро и Зло?**

— В глобальном смысле мы сталкиваемся, конечно, с проблемой «Добра и Зла». Но в любой культуре эти категории не абстрактны, а персонафицированы в образах и выражены в сюжетах. В христианской культуре Добро персонафицируется в образе и жизни Христа, но у него, оказывается, есть противник, который выражает абсолютную идею Зла. В индийской или китайской культурах Добро и Зло будут выражены в других образах, с другим наполнением.

— **Знание архетипов влияет на наше понимание литературы?**

— Не только литературы — жизни, ведь архетип укоренён в психике. У меня дипломница работала над архетипическим сюжетом о «злых и добрых жёнах». Одно дело, когда студент слушает лекции, спит ли он на них или эсэмэски посылает... А другое — когда он сел писать дипломную работу и ему надо глубоко копать. Так вот, я смотрел с удивлением на то, что с этой студенткой происходит. Она полностью изменила своё отношение к жизни, к себе, к близким, потому что поняла, что всё у неё складывалось по законам зла, распада, самоуничтожения, в том числе семейная жизнь.

— **Архетипы проявляются уже на начальных этапах, в древнерусской литературе?**

— Да. В незаочеченной картотеке академика Никольского — он умер в 1936 году — названы 2 360 анонимных русских сочинений, 21 980 греческих, славянских и русских авторов 11–18 веков. Семь томов «Словаря книжников и книжностей Древней Руси» насчитывают 3 793 страницы. Древнерусская литература — это фантастический корпус текстов. А что мы знаем о ней? То, что «когда-то там» было написано «Слово о полку Игореве»? А между тем в архетипе и начальных текстах, в которых он проявлен, закодирована вся новая литература: смыслы классических произведений ГОГОЛЯ, БУЛГАКОВА, ШУКШИНА... Вы можете выучить наизусть полное собрание сочинений любого из писателей, изучить его жизнь, мемуары о нём — и не понять сути. Вот цена вопроса.

Отсюда проблема — как преподавать? Ведь автоматический вывод из сказанного: средняя школа делает нас людьми безграмотными, вне нашей культуры. Я на первом курсе однажды так резко сказал — знаете, как студенты обиделись: да вы что, мы прошли через такое сито, поступили в такой крутой университет, а нам говорят, что мы безграмотны...

— **А как учителя обидятся на такое заявление...**

— Но ведь я и о себе говорю, вспоминая своё нулевое школьное представление о древнерусской словесности...

— **То есть литературу в школе надо изучать...**

— С библейского текста и уж точно с глубокого знания древнерусской литературы. Это требование самого обычного принципа историзма, который никто не будет оспаривать, но на практике его как-то отодвигают в сторону.

— **Подскажите, где обнаруживается сюжет о «добрых и злых жёнах»? Я вспоминаю и не могу сообразить... Разве что в «Анне Карениной».**

— В древнерусской литературе на эту тему существует масса со-

и дьявол — категории реальной матрицы. А именно — это психические энергии, существующие в значительной степени за порогом сознания, но объективные и обнаружимые.

Всё это впервые в науке открыл Юнг, я лишь вслед за ним убедился в том же самом. Ещё раньше гениально сформулировал Достоевский: дьявол — это не рога и копыта, а «страшный и умный дух, дух самоуничтожения и небытия». Место обитания этого духа и его антипода — бессознательное.

Когда мы, находясь на примитивном уровне научного знания о человеке, культивируя его, самонадеянно отвергли Бога, тем самым мы открыли в себе энергию дьявола и обрекли себя на самоуничтожение.

ДОСЬЕ

Владимир Кириллович ВАСИЛЬЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель Института филологии и языковой коммуникации СФУ. Его учебное пособие «Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков. (Архетипы русской культуры). Ч. I» удостоено второго места в конкурсе «Лучшая книга по коммуникативным наукам и образованию» за 2008–2009 годы. Профессионально (сценарист и режиссёр) занимается кинодокументалистикой: его фильмы отмечены наградами международных кинофестивалей. Сейчас в рамках открытой в СФУ специальности «Медиаобразование» создаёт «Студию-мастерскую кинодокументальных проектов» (считает, что при наличии оборудования вполне реально выйти на уровень международных кинофорумов и со студенческими проектами). Пишет вторую часть монографии.

чинений: «бесед», «поучений», «притч»... В новой очень прозрачно этот архетип выражен, например, в романе Тургенева «Дым», у Толстого в «Войне и мире» — «злой жене» Элен противопоставлена не столько Наташа Ростова, сколько княжна Марья. В архетипе вообще всего два цвета, чёрный и белый. Так, Тургенев, как и древнерусский книжник, пользуется в данном случае только ими.

— **Но как следует учить литературу?**

— Описанный научный подход предлагает целую технологию, куда входит и метод, и теория, и сюжетные модели. Владение данной технологией очень помогает работать профессионально: мы получаем знание в сжатом, сущностном виде. Это важно — школа не может бесконечно расширять программу.

Надо бы, конечно, и учебники писать, но... в России живём. Где национальные открытые конкурсы, система долгосрочных грантов на их написание?

Это ведь не частная, а государственная задача; или задача таких больших университетов, как наш. Получается, что нам безразлично, чему наши дети 10 лет учатся в школе.

— **Вы бы написали такой учебник?**

— Попытался бы. Или с удовольствием взял хороший учебник другого автора.

— **Вы читали лекции учителям — они это усваивают?**

— Удивляются и вполне усваивают. Но в нынешней ситуации им это не нужно. Они прагматики и жёстко ограничиваются рамками методического конспекта урока. К тому же из факта наличия архетипической матрицы в бессознательном следует другой удивительный факт: Бог

— **А отвергая Бога, мы однозначно попадаем в лапы дьявола? Мы же сознательно его не начинаем исповедовать...**

— Выясняется, что так устроен человек. В глубине бессознательного обнаруживаются только две энергии, два вектора бытия — жизнестроительства, творчества и саморазрушения, деградации. Когда человек отвергает Бога, независимо от его благих намерений, дальше всё пойдёт по законам «анти». Его мир — национальный, родовой, личный — будет разрушаться под воздействием скрытой, не понятной ему энергии самораспада.

Так выглядит картинка в описываемой матрице. Она совпадает с религиозной, нейтрального пространства в ней нет. Встаёт вопрос: что будет, если мы все же уберём из неё понятие Бога и дьявола? Собственно, ничего. Понятия убираем, а энергии остаются, их убрать невозможно... Созидание остаётся созиданием, разрушение разрушением. Очень вероятно предположение, что это в целом верно для бинарных типов культур и что в данном случае мы имеем дело с вариантами ментального, границами, за которые человеку в принципе не дано выйти.

— **Тогда простое чувство самосохранения должно остановить людей, не позволить открыться в себе энергию зла...**

— Новая история России заставляет сделать вывод: с определённого момента нация теряет чувство самосохранения, в массе проявляется бессознательная некрофилия, жажда смерти. Нигилизм 19 века, весь русский 20 век и сегодняшний день убедительно свидетельствуют о том, что мы утратили чувство самосохранения, доминанта нашего бытия — самоистребление.

— **У Достоевского используется евангельский образ свинюстада, в который вошёл бес, и все низверглись в бездну...**

— Да, выясняется, что это никакая не метафора, а механика.

И какая разница, в какой форме вам сказали истину.

— **Честно говоря, наша беседа должна была пойти о школьной программе, о том, какие писатели в неё входят, какие выпали и правильно ли это. Но в контексте разговора получается, что не так важно — представлен ли в школе Вяземский или Баратынский...**

— Важны технологии. Они помогают понять, что литература — это жизнь, переведённая в текст, психоаналитическая лаборатория, тысячелетнее размышление не самых последних представителей народа о загадке мира и человека. И если с этой позиции подойти к литературе, предмет абсолютно меняется. Он захватывает, ведёт, у учащихся скука пропадает в глазах. Потому что литература — это про то, как уже сложилась и как дальше сложится твоя жизнь. А у нас в последнее время с высокими трибун не стесняются заявить, что литература как предмет в школе, в вузе не нужна. Люди, делая чиновничью карьеру, не боясь такими тезисами признать свою маргинальность.

— **Но на уроках литературы обсуждают не только, кого любила Татьяна Ларина и почему они не поженились с Онегиным? Разбираются и духовные поиски героев, и ценности...**

— Это не переходит в новое качество. Мы не видим в чужих текстах себя, своих близких и не понимаем законы, по которым строится жизнь. При архетипическом подходе текст «присваивается», активируются собственные бессознательные структуры.

— **Вы работали со школьниками?**

— Да, но с ними надо очень аккуратно и начинать с простейшего. Очень многое зависит от педагога. Когда я слышу рассказ об учителе, который на реферат школьницы по Гоголю говорит: «Неужели до сих пор берут такие темы? О Гоголе же всё написано в учебнике за 5-й класс!», — такой учитель уже погубил свой предмет.

— **А что, в Гоголе нашли что-то новое?**

— За последние 20 лет Гоголь фактически открыт заново. На уроках по «Мёртвым душам» мы разбирали преимущественно образы помещиков, но главный-то герой Чичиков — написано на обложке: «Похождения Чичикова». Может, с ним надо разбираться? Чичиков — яркий пример архетипического героя. Напомню, как описан его фрак: «брусничного цвета с искрою», «цвета наваринского дыму с пламенем». Что за костюмчик, сотканный из искр, пламени и дыма, для героя - путешественника по миру мёртвых? Вырисовывается вполне определённая фигура...

— **Как только Вы на этом заострили внимание, сразу ясно, о ком речь. Но в романе за Чичикова вообще как-то не цепляешься.**

— Чичиков так сделан — таинственным и ускользающим. Но архетипическая система сама заставляет акцентировать смыслы. Например, невозможно не обратить внимание на то, что Чичиков участвовал в комиссии по строительству храма Христа-Спасителя. Храм строился в честь победы над Наполеоном, в память об убиенных. Строился он в том числе на народные пожертвования. Члены комиссии проворовались, Чичиков на ворованные деньги построил трёхэтажный дом в Москве. У кого и что он украл? — пожертвованное Христу... Кушленные «души» он собирается заложить в Опекунский совет, который опять же на пожертвования содержал богадельни, сиротские дома. Или жениться герой намерен перед Великим Постом, в это время не венчали. А когда автор говорит о нём «черт, а не человек», «народился антихрист» — буквализм очевиден. Чичиков — фигура мистическая. Душа принадлежит Богу, а он заявляет право владеть ею. Гоголь всё время обнаруживает в Чичикове противника Христа. Мёртвые души — «дело не от мира сего», и это мистическое измерение — основное в пространстве поэмы, моделирующем Россию. Поэма — силовая духовная тайна (что и означало слово «мистика»).

— **Но ведь Чичиков, хоть и шельмец, очень благостный, на него как-то не сердиться...**

(Окончание на стр. 10)

Сверхзадача педагога Михалёвой

Учитель — это тот, кто не просто знает, но и умеет эти знания передать ученику. Более того, хороший, настоящий учитель не только даёт знания, помогает овладеть предметом. Он ещё и помогает сформироваться ученику как личности, определяет нравственные ориентиры и необходимые во взрослой жизни навыки. Это очень серьёзная и ответственная работа. Именно на учителей лежит ответственность за подрастающее поколение. За будущее в целом в конце концов. А кто же учит самого учителя? Кто даёт людям умение учить и формировать личность? Один из таких специалистов — доцент Красноярского педуниверситета Лариса Петровна МИХАЛЁВА. Человек, который учит учителей.

— **Лариса Петровна, всё-таки, учитель — это профессия или призвание?**

— Вы хотите сказать, нужен ли особый талант для того, чтобы учить других? Я бы не стала отвечать однозначно на этот вопрос. Талантливых людей мало, в любой сфере. Когда-то профессия педагога была штучной — целенаправленно воспитывали и обучали очень небольшую прослойку общества. Теперь, когда надо учить всех, где набрать талантливых? На всё педагогическое сообщество поцелованных ангелом в макушку, что называется, не наберёшься, к сожалению. Поэтому я отвечаю так: работая над собой, можно развивать заложенные задатки к педагогической деятельности. А задача преподавателя педвуза — помочь студенту в этом саморазвитии. Кому-то эта профессия даётся легко, кто-то идёт к мастерству годами... Я думаю, что людей, совершенно не способных к тому, чтобы учить и воспитывать, немного. Ведь учат не только профессиональные педагоги. Любой родитель — тоже педагог.

— **Но поэтумо педагогом быть и сложно. Каждый знает, как надо учить и воспитывать...**

— Это так. Но, с другой стороны, педагогика — это наука со своими закономерностями, принципами, базовыми понятиями, мощным исследовательским аппаратом. Основы этой науки заложены ещё Яном Коменским в 17 веке. И чтобы стать настоящим профи, очень важно овладеть этим багажом.

— **А вот интересно, как сегодняшняя педагогическая наука относится к наследию МАКАРЕНКО? Я знаю, его очень сильно критиковали в девяностые, дескать, его педагогическое учение нивелирует личность...**

— Кого только ни пинали в девяностые. И по Антону Семёновичу не проехался только ленивый. Я же отношусь к нему с огромным уважением. Конечно, его опыт нельзя, как кальку, переносить на сегодняшнее время. Но он ведь был и гениальный практик — дай Бог современным детским домам добиваться хотя бы половины того, чего он достигал. К нему приходили малолетние правонарушители, ребята с переломанными судьбами, прожжённые беспризорники... И все они уходили от него личностями, практически все находили себя в жизни, становились уважаемыми членами общества. Да, командирская методика. Но для того времени она была, наверное, оправдана. И не зря его принцип воспитания через коллектив взят на вооружение японскими педагогами, например... В его учении много того, что звучит очень современно.

но: поиск путей технологизации воспитательного процесса, те же законы перспективных линий.

— **А что это значит?**

— Ребёнок должен видеть заворающую радость, но он должен и понимать, что для этого надо сделать. Собственно из таких вот стимулов и складывается процесс воспитания.

— **Пожалуй, нигде так много, как в педагогике, не ломается копий?**

— Не соглашусь с вами, это происходит сегодня во многих гуманитарных науках. В психологии, например. К сожалению или к счастью — однозначно ответить нельзя. Но сегодня одна тенденция меня очень тревожит — идут упорные разговоры о том, что количество часов на обучение педагогической науке надо сокращать. И, возможно, набор студентов будет уменьшен. Но ведь есть школы, есть дети, которых надо учить. Вспомните пресловутые девяностые, когда детские сады в массовом порядке приватизировали, переделали под офисы, под кафе, под бани. Сейчас власти призывают рожать, а очереди в детсады таковы, что многие дети так и пойдут в школу, минуя садик. Так вот, я боюсь, что непродуманное сокращение педвузов приведёт к тому, что в школьном образовании: лет через пять — шесть учить будет просто некому.

— **Да, это тревожная тенденция...**

— Одна из возможных перспектив — преобразование педагогического университета в некий «образовательный центр». То есть человек, закончивший его, будет получать не диплом учителя литературы, истории или математики, а специальность: математик, филолог с правом преподавания. Но при этом профильная наука «педагогика» может отойти на второй план. Мы знаем, что и сегодня далеко не все наши выпускники

идут в школу, а завтра дефицит учительских кадров возрастёт ещё больше! И профессия «учитель» как таковая будет совсем другой. Учитель — ведь это не только тот, кто даёт знания, он ещё и воспитывает, формирует личность. Это ответственность гигантская. Сегодня, на мой взгляд, именно эта часть учительской деятельности должна выходить на первый план.

— **Почему именно сегодня, что изменилось?**

— Понимаете, в прошлом учитель как светоч, как источник знаний был, безусловно, незаменим. Лет сто назад в сельской школе, например, кроме как от учителя дети знаний об окружающем мире и получить ни от кого не могли в принципе. Постепенно носителей информации становилось всё больше и больше. Сегодня, в век Интернета, ни один самый знающий учитель не может конкурировать с теми источниками, которыми ребёнок может пользоваться в Сети. Знания перестали быть самоцелью, их объём растёт в геометрической прогрессии, они имеют свойство устаревать. А вот нравственные ориентиры, моральные качества личности — это то, что должен закладывать в ребёнка учитель вне зависимости от того, какой предмет он преподаёт...

— **Но и нравственные ориентиры меняются...**

— Не так быстро. Кроме того, есть вещи неизменные, как заповеди Христа, например. Или благородство, честь, умение дружить и любить... Может быть, я сама консерватор в некотором смысле, но я и не отрицаю новых подходов в педагогике. Только при этом ни в коем случае нельзя отменять и перечёркивать старый опыт — обновление должно происходить постепенно.

— **Но прогресс не остановить, и технологии врываются во все сферы нашей жизни. Успевает ли за этим педагогика как наука?**

— Откровенно скажу, что пока в мире компьютерных технологий я чужая. Конечно, глупо вести себя, как есенинский жеребёнок, и пытаться угнаться на своих двоих за несущимся на всех парах паровозом. Но ведь я по образованию — литератор. Для меня важны вопросы души, духа. Куда уводит детей виртуальное пространство, что они там почерпнут? Как учителю поставить этот интернетовский

поиск на благодатные рельсы? Как помочь ребёнку получать там знания и какие-то полезные нравственные уроки? Об этом должен сегодня задумываться любой педагог — иначе он просто остаётся за бортом...

— **Понятия учитель и педагог немного отличаются?**

— Наша кафедра педагогики как раз и помогает будущим учителям организовать учебный и воспитательный процесс вне зависимости от того, какой он предмет преподаёт. А как с ребяташками взаимодействовать, через какие формы, методы?

Почему одному учителю достаточно движения брови, чтобы класс затих, другой — срывает голос, топчет ногами и тем не менее не может овладеть вниманием класса... А ведь и этому можно научиться.

— **Встречаясь с практикующими педагогами, Вы, наверное, сами учитесь, следите за тем, что происходит в современной школе?**

— Когда-то учителя для детей были чуть ли не небожителями. Сейчас тот факт, что ты учитель, ещё не говорит о том, что дети будут тебя уважать. Это надо заслужить. И прежде всего, стать неким нравственным ориентиром, безусловно. Практикующие учителя говорят об этих тенденциях. Учитель не стоит на пьедестале, ему надо общаться, не глядя сверху вниз, и это реальность двадцать первого века. Если раньше воспитание шло исключительно через коллектив, то сейчас больше внимания уделяется личности — и так, как двадцать-тридцать лет назад, заставить ребёнка взять под контроль нельзя. Авторитарные методы перестали быть ведущими, ребёнок с помощью настоящего педагога становится субъектом воспитательного процесса.

Но нельзя не отметить, что у нас масса интересных педагогов, новаторских идей. Здесь наш край занимает достаточно хорошие позиции — недаром он является инновационной площадкой.

— **Но ведь Вы называете себя консерватором?**

ДОСЬЕ

МИХАЛЁВА Лариса Петровна. Окончила филологический факультет Красноярского педагогического института в 1979 году. В 1995-м защитила кандидатскую диссертацию «Становление базовых деловых качеств старшеклассников». Без ложной скромности называет себя «неплохим методистом». Читает курсы «Дидактика», «Теория и методика воспитания», «История образования и педагогической мысли», а также ряд спецкурсов — «Семь шагов к профессионализму» (о подготовке современного классного руководителя), «Азбука педагогического общения». Любимая же тема — «Интерактивные стратегии в преподавании», включающая методы активного обучения и становление субъектной позиции школьника в учебном процессе. Страстный читатель (от русской классики до дамских романов) и пешеход, причём предпочитает не проторённые тропы («на Столбах народу много»), а какую-нибудь лысую гору на правом берегу, откуда виден не только весь Красноярск, но и отроги Саянских гор. Были бы средства — объехала бы весь мир, но умеет видеть прекрасное и в луже, где отражаются облака. Любит зверей и все свои круги общения (называет их «кустами») — коллег по кафедре, подруг, родных.

Тайны русской классики

(Окончание.
Начало на стр.9)

— Зло часто выступает под маской любви и усиленной обаятельности. Зло, скрытое под маской, — один из ключевых мотивов в образе противника Бога. Антихрист вообще явится в виде Христа, с снятием и словами любви, с умением творить чудеса. А потому человеку трудно разобраться, кто перед ним. Гоголь таким и сделал Чичикова: он душка, при этом психолог, ритор — пытается ко всем найти подход и всем понравиться. И так скрыть преступление, которое сделает его миллионщиком. Гоголь сказал нам страшную вещь: мёртвые души — это мы. Выясняется, что поэма явилась констатацией духовной смерти в национальном масштабе. Чичиковская энергия за полтора столетия победила всё, в том числе и утопию коммунизма. Более всего Гоголь связывал

чичиковское с деятельностью чиновника. Сейчас через одного чиновника возьми — он ничем, кроме воровства, не занимается, при этом на публике это страшно обаятельные, благонамеренные господа...

— **Но почему-то к этому произведению читателя не тянет...**

— Потому что в учебнике в основном глупость и скука. А когда детям рассказываешь по-другому, они этот сюжет слёту схватывают, легко соотносят с нашей жизнью.

— **Вы занимались Шукшиным — он из «Вашего» ряда писателей?**

— Шукшин — жёстко архетипически мыслящий художник, впрочем, как и многие. Вообще, чем художник точнее попадает в национальный архетип, тем значительнее его творчество. Шукшин — таинственный писатель. И несмотря на то, что в Алтайском университете уже издали энциклопедический словарь,

посвящённый его творчеству, он во многом не разгадан.

— **Какое произведение краеугольное?**

— Во второй части моей книги Шукшину будет посвящена глава, где анализируется ряд текстов, которые определили логику художественного развития и мышления этого автора. Если коротко — рассказы «Сураз», «Жена мужа в Париж провожала», роман и сценарий «Я пришёл дать вам волю» и «Калина красная» в трёх вариантах: киносценарий, фильм и автокомментарий к фильму, где Шукшин говорит, что испугался снять так, как хотел: Егор Прокудин искал своей смерти. Это должен был быть самоубийца.

— **Но самоубийца — совсем другой образ, антихристов.**

— Шукшин в романе «Я пришёл дать вам волю» объясняет, какая сила гнетёт и мучает мужика. Он пишет большими

буквами: ГОСУДАРСТВО. Эта сила способна довести человека до самоубийства. Но в данном случае такой поступок понимается как казнь от государства и власти антихристовых, и человек уходит в святость через эту смерть. В этом парадоксы национального поведения, архетипа; смыслы эти родились в эпоху Ивана Грозного и позже, в эпоху церковного раскола, когда старообрядцы морили себя постом и сжигали тысячами.

Я встречал людей, которые не любят Шукшина. Как правило, это городские, асфальтовые люди. Они не понимают, что Россия до сих пор во многом деревенская страна, что жить в единении с природой — как кусок золота иметь в кармане.

— **Теперь мы вряд ли можем гордиться деревней...**

— Да, вместо золота там много технического спирта. Иногда думаешь, что не просто 20 век проигран нами, а всё...

— Консерватизм, как и новаторство, должны нести в себе созидательные начала. Автомобиль без двигателя не поедет, конечно, но ведь и без тормозов он не уедет далеко. Любой коллектив, не только педагогический, должен состоять из новаторов и консерваторов — иначе он не сможет созидать. Нельзя топтаться на месте, но и отбрасывать проверенные веками вещи тоже нельзя. В России шикарное педагогическое образование, основы которого заложены ещё в 19 веке гениальным Константином Дмитриевичем УШИНСКИМ. Богатейшее педагогическое наследие нужно творчески переосмысливать, а не опровергать. Как говорится в известном всем фильме, ошибки учителей не так видны, как ошибки врачей, но в итоге они нам обходятся не менее дорого...

— **А кого Вы считаете своими учителями?**

— Я считаю, мне очень повезло на встрече с Педагогами с большой буквы. Чего стоила одна Валерия Каллистратовна РАЗМАХНИНА, ныне, к сожалению, покойная — человек умел завоужить любую аудиторию. Их много было, замечательных и талантливых. Как учёному, преподавателю, мне, конечно, прежде всего помогала сформироваться Мария Ивановна ШИЛОВА, член-корреспондент Российской академии образования, педагог, я не побоюсь этого эпитета, с мировым именем. Именно утверждению значения нравственного воспитания как основы положительной социальной перспективы она посвятила большую часть своей научно-педагогической деятельности. Без утверждения нравственных начал мы ничего не сделаем в образовании, какой бы век ни стоял на дворе — это её кредо как учёного, как педагога. Мария Ивановна и сегодня вместе с коллективом лаборатории проблем становления характера активно работает над очень интересной и перспективной идеей — возрождением такого понятия, как «сибирский характер».

— **Есть такое выражение. Но что за этим стоит? Ведь у каждого характер свой.**

— Да, это так. Но есть некие стереотипы поведения, свойственные тому или иному этносу. Суровый климат стимулирует у здешних людей высокую психическую и физическую устойчивость. Тот факт, что Сибирь веками была «котлом народов», сформировал у тех, кто живёт здесь, толерантность — не показную, модную, а истинную, идущую от сердца. Некоторая медлительность и в то же время импульсивность, любовь к природе, наивность и одновременно взвешенность в поступках. Доброта, честность, готовность к самопожертвованию...

— **Можно сказать, что задачей красноярских педагогов является сохранение сибирского характера?**

— Возрождение сибирского характера может стать современной идеологией, той базовой целью, которая задаст содержание воспитательному процессу. На мой взгляд, это сверхзадача современной педагогики, один из её значимых ориентиров.

**Беседовал
Дмитрий ГОЛОВАНОВ**

— **Не этим ли острым чувством эсхатологического в нашей жизни обусловлено Ваше увлечение кинодокументалистикой?**

— В своё время я отчасти случайно поступил на Гуманитарный факультет Новосибирского университета: хотел быть журналистом, но журналистику там не преподавали. Вообще, если бы у меня было несколько жизней, я бы одну снимал кино, другую отсидел в тюрьме...

— ?!

— Не за уголовное преступление, конечно, а ради опыта, который там получаешь — как Достоевский, Солженицын. Одну жизнь потратил бы на физику или математику, они открывают совершенно особое понимание мира.

Но для этого надо быть бессмертным...

Валентина ЧЕЛАЗНОВА

Войну 1812 года Россия выиграла благодаря филологии?

Профессор кладёт на стол свежий журнальчик с изо всех сил улыбающимися лицами на обложке и говорит: эти молодые люди, конечно, замечательно красивы, но, честно говоря, их радостные бравурные лица несколько искусственны. А радость присутствует внутри человека, в том светлом взгляде, которым мы смотрим друг на друга, в радости творчества, которая есть в серьёзной работе. Зачем СМИ так настырно приобщают нас к пустым развлечениям?

Наш гость — Владимир Иванович АННУШКИН, доктор филологических наук, заведующий кафедрой в Институте русского языка им. Пушкина (Москва). В Красноярск он прилетает не впервые, на этот раз — на Дни русской словесности, которые прошли в апреле в СФУ. Мы попросили Владимира Ивановича как председателя Российской риторической ассоциации рассказать нам о правилах искусства речи. Но по его мнению, нужно вначале говорить о «филологии вообще» и о её роли в жизни общества. Из этого разговора получилось несколько мини-сюжетов.

За реформами в языке следуют реформы в экономике

— Русская цивилизация характеризуется тем, что у нас каждые 60 лет происходит реформа в филологическом образовании, в идеологии, а затем вследствие этого — в экономике и в общем стиле жизни. Давайте отлистаем назад. Перестройке за 60 лет до этого предшествовала Великая Октябрьская революция, которая отменила словесность и ввела культуру речи. Появились новые виды речи — агитация, пропаганда, массовая информация, основателем которой был В.И. ЛЕНИН. За 60 лет до этого — в середине 19 века была отменена риторика и оставлена для преподавания словесность, которая начала пониматься только как художественная литература. За 60 лет до этого в 1801 году с кончиной Павла 1 воцарился Александр БЛАГОСЛОВЕННЫЙ, и у нас началась государственная реформа, после которой появился предмет «словесность», и она стала главным термином. За 60 лет до этого великий русский учёный ЛОМОНОСОВ создал первую научную грамматику и риторiku, и именно Ломоносов ввёл понятие словесных наук. За 60 лет до этого появился великий русский царь Пётр Первый, который упразднил церковно-славянский язык и провёл реформу языка; в начальный период его царствования было создано шесть замечательных русских риторик, которые показывали, какой должна быть общественная речь. А за 60 лет до этого была создана первая русская риторика, как раз в начале царствования царя Михаила Фёдоровича. Таким образом, видите, как мы живём...

Перемены — не обязательно плохо

— В 1985 году у нас началась очередная революция, которая привела к тому, что мы живём в новом информационном обществе, которое таковым стало благодаря развитию речевых технологий. Мы живём в великое время! Хотя на филологических факультетах (в отличие от других, где читаются курсы общей химии, физики, истории) по-прежнему не читают курса общей филологии, а читают введение в языкознание, введение в литературоведение, введение в специальность (которые в сумме не дают филологии), — у нас появилось очень много новых наук. Есть не только риторика — создаются отделения по связям с общественностью, развивается имиджелогия, психология общения, коммуникативистика, теория и практика коммуникаций — чего у нас только нет! Предмет ли это для радости? Хочу сказать бабушкину исти-

ну, которая зафиксирована в словаре Владимира Ивановича ДАЛЯ: «Ищи счастье в собственном сердце». Иные ищут его за морем, но в каком состоянии твоё сердце находится, так и будет представлена твоя жизнь. В современной действительности надо искать хорошее и оптимистичное.

Если мы будем стоять на плечах гигантов русской мысли, познавать собственную культуру, запасёмся суворовским оптимизмом и займёмся творчеством, то жизнь изменится к лучшему.

А пока наши средства массовой информации по преимуществу повергают нас в грусть и печаль либо же в пустые развлечения.

Предмет «Военное красноречие» и другие

— Филология рассматривает культуру через текст и текст через культуру. То есть именно филологическое знание позволяет нам заниматься корректным отбором произведений сло-

весности и говорить о том, какое произведение имеет право оставаться в культуре, быть предметом школьного обучения, формировать вкус и устремления общества.

Вот смотрите, как развивается русская словесность. В начале 19 века основными видами словесности были ораторское искусство и деловая письменность. Не исключено, что благодаря этому мы выиграли Отечественную войну 1812 года. Вспомните, какие были воззвания, написанные адмиралом Александром Семёновичем ШИШКОВЫМ и подписанные императором Александром I.

Затем писались учебники: «Правила словесности», «Военное красноречие» Якова Васильевича ТОЛМАЧЁВА, риторика Николая Фёдоровича КОШАНСКОГО. То есть изучались (сравните с современной школой) и письма, и документы, и историческая проза (кто сейчас читает КАРАМЗИНА или КЛЮЧЕВСКОГО на уроках?), и, конечно, ораторская речь в пяти видах: политическая, судебная, проповедническая, академическая (то есть научная) и торжественная, поздравительная. И это всё в школе!

Победа вымысла

— После того, как наши революционеры-демократы,

БЕЛИНСКИЙ и ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, а также некоторые филологи — ПОТЕБНЯ и ВЕСЕЛОВСКИЙ — прокламировали идею о том, что главным видом словесности является художественная литература, а главным творцом в языке является поэт, многие виды прозы были дискредитированы. Риторика выведена из состава преподавания, а словесность, начиная с середины 19 века, стала изучаться, в основном, по произведениям художественной литературы. А она, в отличие от риторики, говорит о вымышленном содержании.

Но мы-то живём в реальности! Политическая речь — это реальность, судебная — реальность... И вот русская филология (этот процесс шёл и у других славянских народов, в отличие от американцев) потеряла знание и искусство политической и всякой другой функциональной речи...

Как говорим, так и живём

Каждый человек должен владеть по возможности всеми видами текстов и стремиться понимать, по крайней мере, как создаётся этот текст. В этом смысле филология — основная профессия в обществе.

Я скажу сейчас мысль и хочу, чтобы её оценили. Мысль уважаемого моего Юрия Владимировича РОЖДЕСТВЕНСКОГО, который заимствует её от своих великих учителей — главного русиста XX века Виктора Владимировича ВИНОГРАДОВА и замечательного япониста Николая Иосифовича КОНРАДА.

Прогресс общества состоит в прогрессе языка.

Наш язык, понимаемый как развитие речевых технологий, как развитие разных видов текстов, сделал колоссальный прогресс в последнее 20-летие. Мы теперь имеем очень много новых видов текстов, новых видов речи, которых раньше не было. 20 лет назад не было Интернета, в кармане каждого из нас не лежал мобильный телефон. У нас не было 90 телеканалов. Не было такого количества газет и таких замечательных книжных изданий, какие мы имеем сейчас.

Беднее ли при этом язык?

Это зависит от того, как развивается средняя языковая личность. К сожалению, стиль её жизни формируют средства массовой информации — и она живёт уныло, несмотря на ту развлекательность, которую мы часто видим на страницах наших изданий. Их интеллектуальный уровень, то есть язык, отражающий смыслы слов, которые имеются в человеческом сердце, не обогатился. Но всё же люди понимают, что самое главное — не власть, деньги, богатство, а то, что даст тебе возможность жить долго и счастливо. Это мудрость — прямо по притчам Соломона: ибо я паче жемчуга. Если ты будешь всю жизнь учиться и трудиться над собой, то всё у тебя постепенно будет: и семья, и нормальная работа, и уважение людей. А наши средства массовой информации, к сожалению, часто предлагают нам другой тип поведения: живите красиво и умейте обмануть своего ближнего. Посмотрите, о чём все наши телесериалы. Посмотрите, какую любовь они нам предлагают.

Переломить стиль

— Телевидение по самой своей природе — это надо очень хорошо понимать — будучи распространено на массовую аудиторию, формулирует такой закон: чем шире аудитория, тем более вульгарно содержание речи. Но к этому надо относиться спокойно. С одной стороны, многие люди просто перестают смотреть телевизор. С другой — на ТВ должны прийти те, кто будет понимать, что надо вернуться к воспитанию аудитории. Она соскучилась по русскому романсу, по хорошей литературной передаче, по тому, чтобы видеть хорошую семью. Хочу видеть на экране хорошего учителя!

В культуре вызывают авторы, которые переработали ценности, освящённые ушедшими от нас умами. Можно назвать много имён современных литераторов, творчество которых восхищает: Виктор КАЛЕГОРСКИЙ, Андрей ПОСЫЛКИН, Елена АЛЕКСЕЕВА. Каждый из них очень своеобразен, но их невозможно протолкнуть в массовую культуру. Я знаю их творчество, потому что вместе с ними учился.

Вот как изменилась современная филология: тексты массовой информации стали основными. Массовая информация сегодня стала самым авторитетным текстом, но она не хранит культуру. Её текст забывается через некоторое время после своего создания. И телевидение, и радио, и газета, сколь бы хороши ни были, как правило, не передаются последующим поколениям, в отличие от школьных текстов. Потому что школьный текст — культурно ценный и передаётся детям для того, чтобы они по этим текстам выстраивали свою жизнь. И потому всегда очень важный вопрос: как менять школьную программу. В перестройку ШОЛОХОВА и МАЯКОВСКОГО поменяли на АХМАТОВУ, ПАСТЕРНАКА, МАНДЕЛЬШТАМА, БРОДСКОГО. А кого в программу добавить из современников?

Чем плох ЕГЭ

— Устная речь — базовый вид текста. А ЕГЭ лишает учеников и учителей возможностей устного речевого контакта. Если ученик прекращает общаться со своим учителем, у него не будет не только любви к самому учителю, но и к предмету. А если он начинает отвечать галочками в письменном тексте, то он лишается очень многих важнейших навыков, и мы видим, почему наши студенты так плохо говорят.

Но ответственные товарищи нас не слышат. Это отражает уровень авторитетности высшей школы. В нашем обществе имеется такая проблема: вы можете говорить какие угодно слова и речи, вас выслушают и скажут: это ваше мнение, мы к нему толерантны, будьте и вы толерантны к нашему, а мы будем продолжать делать своё дело.

Но всё же нашу речевую и общественную жизнь можно устроить.

Образец былого красноречия

Из высочайшего манифеста Александра I о вторжении Наполеона 6 июля 1812

Неприятель вступил в пределы НАШИ и продолжает нести оружие своё внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясть спокойствие Великой сей Державы. Он положил в уме своём злобное намерение разрушить славу её и благоденствие. С лукавством в сердце и лезвием в устах несёт он вечные для неё цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем в преграду ему войска НАШИ, кипящие мужеством поправить, опрокинуть его, и то, что останется неистреблённого, согнать с лица земли НАШЕЙ. МЫ полагаем на силу и крепость их твёрдую надежду, но не можем и не должны скрывать от верных НАШИХ подданных, что собранные им разнородные силы велики и что отвращение его требует неуспешного против него бодрствования. Сего ради, при всей твёрдой надежде на храброе НАШЕ воинство, полагаем МЫ за необходимо нужное собрать внутри Государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жён и детей каждого и всех.

МЫ уже воззвали к первопрестольному Граду НАШЕМУ, Москве, а ныне взываем ко всем НАШИМ верноподданным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским, приглашая их вместе с НАМИ единоклупным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений. Да найдёт он на каждом шагу верных сыновей России. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют.

Учитель + ученик: диалог культур

В прошлом году своё 30-летие отметила Школа диалога культур — одна из наиболее содержательных ветвей современной педагогической мысли и практики. Отчасти она возникла в противовес педагогике развития и долгое время строилась в дискуссии с идеями В.В. ДАВЫДОВА. Сегодня об истории этой оригинальной школы рассказывает Сергей Юрьевич КУРГАНОВ, учитель-новатор, долгое время практиковавший диалог культур в красноярской школе «Универс».

Учебный диалог. Начало

В конце первого класса, в 1962 году, моя учительница Алина Никифоровна попросила меня позаниматься арифметикой с девочкой, которую собирались оставить на второй год. Я попробовал, мне понравилось, а девочка начала учиться неплохо. Такие истории со мной повторялись вплоть до десятого класса.

После того, как я посмотрел по всеоюзному телевидению фильм «Дважды два равно икс», в котором рассказывалось об экспериментальном обучении по системе В.В. Давыдова в харьковской школе № 17, я решил стать учителем этой школы, для чего в 1971 году поступил на физико-математический факультет Харьковского пединститута им. Г.С. Сковороды и сразу же начал сотрудничать с лабораторией психологии обучения своего института. Мне поручили вместе с Ю.П. БАРХАЕВЫМ разрабатывать программу по математике для 4 класса — экспериментальное обучение было «сделано» только для начальных классов, из-за этого в подростковой школе у учителей и учеников возникли большие проблемы.

Система Давыдова не была демократичной по замыслу. На уроках перед детьми ставились яркие учебные задачи, но способы решения нормировались учителем. Получалось, что детей учили мыслить в заданном учителем направлении. В результате примерно к третьему классу образовывались лидирующие группы, авторитарически противопоставленные остальным детям. Аристократы быстрее других научались мыслить так, как мыслит учитель. Изгой — молчащее большинство — не вписывались в программу, отчуждались от учебной деятельности и уходили в себя.

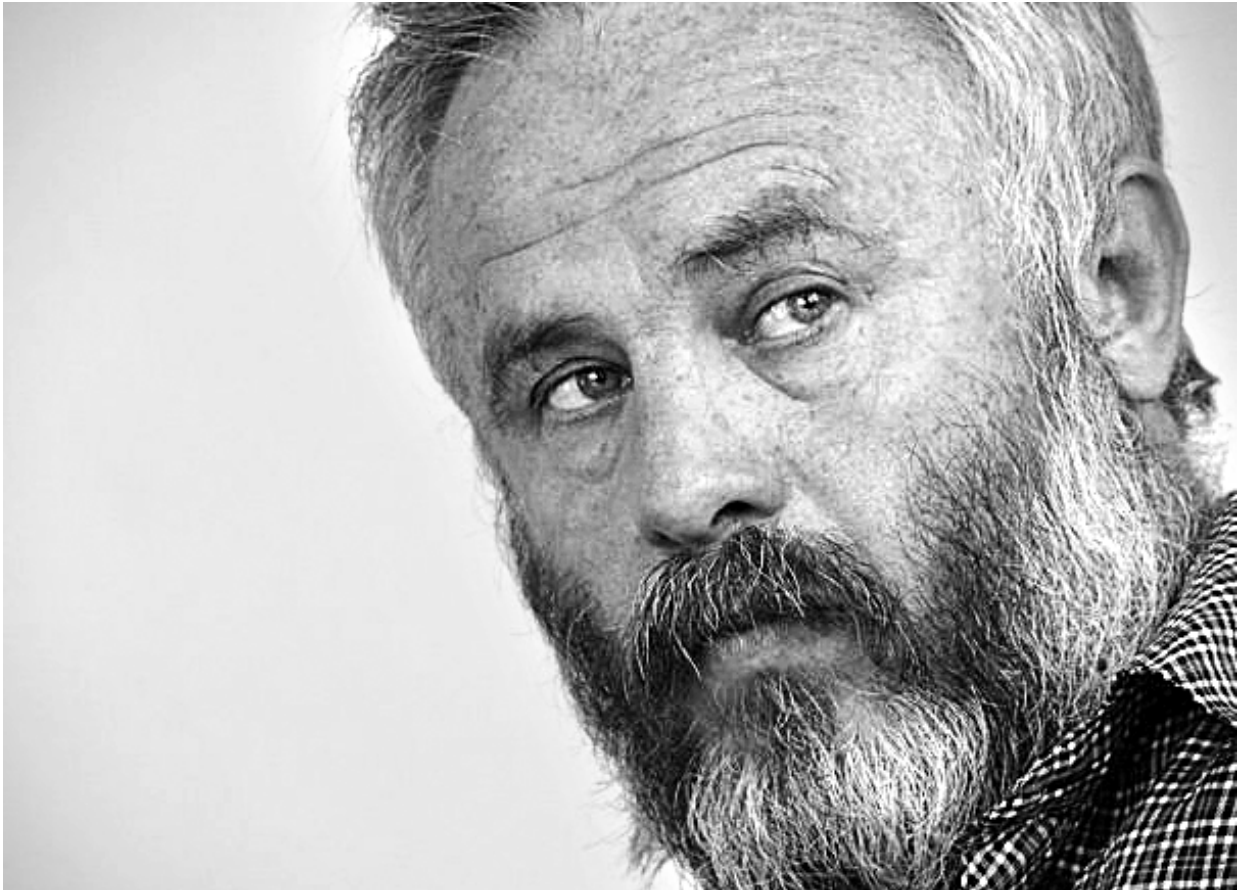
Когда в 70-е годы в СССР появились книги М. БАХТИНА и В. БИБЛЕРА, я сообразил, что в основе обучения по Давыдову лежит критикуемая этими авторами монология научного познания, что порождает монолизм учителя. Я стал думать о возможности построить обучение в логике мыслительного диалога, где голос каждого ребёнка и голос учителя не будут сливаться.

В это же время харьковский учитель литературы В.Ф. ЛИТОВСКИЙ независимо от меня пришёл к идее учебного диалога. На одном из занятий его клуба «Приключения и фантастика» подросток по имени Сергей прочитал роман «Спартак», бросил дразнящую реплику: «Спартак — дурак! Действуя иначе, он мог бы победить!». Учитель принял вызов и предложил ребятам провести игру под названием «Победоносное восстание Спартака?». Записи этой игры, в которой каждый участник развивал свою логику понимания исторического события, и представляла идеальную модель урока, на основе которой мы начали строить уроки-диалоги по истории, математике, чтению, русской литературе, мифологии и природоведению во вторых-восьмых классах (1980-1983 гг.). Руководил нашими исследованиями выдающийся советский философ и педагог-теоретик В.С. Библер, с которым мы с Литовским познакомились в 1979 году, написав Владимиру Соломоновичу большое конфиденциальное письмо. Мы излагали гипотезу, что каждому школьному возрасту соответствует свой тип диалога (сократический, схоластический, галилеев, брехтов) и свой тип «учебного

театра», воспроизводящий поэтику исторически существовавших театральных культур. Библер активно поддержал нас, а в 1987 году построил модель Школы диалога культур с первого по одиннадцатый класс.

Модель В. Библера

Предполагалось такое содержание обучения. 1-2 классы — школа «точек» удивления. Дети включались в обсуждение загадок слов, числа, явлений природы. 3-4 классы — античная культура как учебный предмет. Дети осваивают античную математику, историю, натурфилософию, литературу, театр, изучают древнегреческий язык и латынь.

5-6 классы — средневековая культура, включающая чтение и изучение Библии, понимание средневековой культуры как жизни вокруг Храма.

7-8 классы — культура Нового времени, освоение стратегии познания.

Все эти периоды изучаются как диалог: спор с Аристотелем, Декартом, Ньютоном, Ламарком, Дарвином и др.

9-10 классы — культура и искусство XX века.

11 класс — педагогический лицей. Школьники участвуют в разработках уроков-диалогов для младшей и средней школы, учатся проводить их.

Поначалу я отнесся скептически к этой грандиозной программе Библера. Одно дело — проводить время от времени учебные диалоги, в ходе которых основные понятия школьных предметов становятся проблемными? Не выделится ли в ШДК своя «лидирующая группа», оттесняющая от достаточно сложного и интеллектуально насыщенного содержания остальных детей?

Ответы на эти вопросы можно было получить, только организовав многолетнюю экспериментальную проверку модели. Перестройка предоставила нам такую возможность. «Учительская газета» (В. МАТВЕЕВ и С. СОЛОВЕЙЧИК), движение педагогических клубов «Эврика» (А. АДАМСКИЙ) разработали концепцию авторской школы и возможности построения вариативного авторского образования в СССР. Ничего подобного не было ни в одной стране мира.

Диалог культур в красноярской школе «Универс»

Наиболее благоприятные условия для построения и укоренения авторского образования сложились в Красноярском государственном университете, где по инициативе ректора В.С. СОКОЛОВА был создан психолого-педагогический факультет и базовая экспериментальная средняя школа № 106. Школа при университете предполагала открытие нескольких авторских первых классов: развивающее обучение, диалог культур, система Е. ШУЛЕШКО, Вальдорфская педагогика и др. Учителя, организующие экспе-

риментальное обучение, имели возможность читать лекции о педагогике в университете и вести педагогические мастерские, готовя из студентов будущих специалистов в данной авторской педагогике. Предполагалось, что специалисты университета будут отслеживать психолого-педагогические эффекты обучения.

Так в России в 1987 году в Красноярском университете начала строиться педагогика новейшего времени, которая понималась как диалог педагогических систем.

Уроки ШДК всегда начинались с вопроса ребёнка или учителя. ...Как термометр показывает температуру? Наверное, он живой и чувствует тепло? Нет,

пособий для учителей-диалогистов.

Красноярские итоги

Важным результатом культивирования диалогического мышления в начальной школе является складывание (уже ко второму классу) особого «лицейского братства» — социума понимания со своими культурологическими ампула. Например, учебные диалоги о слове ведут: грамматик, склонный к фонетическому анализу слова; поэт, понимающий хлебниковскую стихию речи; историк, проносящийся в этимологию слова; каллиграф, способный обсуждать только изящное написание и пр. Спор и согласие меж-

ведений — должен двигаться в ШДК вместе с движением «лицейского братства» (возможно, при этом он ведёт всего один предмет). Ведь потеря хотя бы одного ученика или одного учителя приводит к радикальному обеднению диалога.

Волны красноярского эксперимента

В гимназии «Универс» в Красноярске разрабатывалось сразу две модели школы Библера: Школа диалога культур (С. КУРГАНОВ, А. ЮШКОВ) и Школа диалога логик (Е. УШАКОВА, С. ЕРМАКОВ). В Новосибирске под руководством Ю.Л. ТРОИЦКОГО были созданы частные школы «Диалог» и «Зимородок», а впоследствии — гимназия УМКА. В Челябинске В. ЛИТОВСКИЙ и Л. МЕСЕНЯШИНА в экспериментальной школе при университете развернули многолетний эксперимент по ШДК, который продолжается по сей день.

Целый ряд идей ШДК были использованы при построении Московского культурологического лица.

В Харькове в 1992 г. Е. МЕДРЕШЕМ была создана частная гимназия ОЧАГ, где разрабатываются программы гуманитарно-диалогического образования. С 1997 года я работаю учителем начальных классов этой гимназии. Осмыслению опыта ШДК посвящены мои книги последних лет — «Шестилетние первоклассники», «Физики и лирики», «Живые и мёртвые», а также многие статьи.

Идеи школы диалога культур уникальны, но поскольку связаться с автором, проживающим в Харькове, редакция могла только «вконтакте», мы задали Сергею Курганову лишь три дополнительных вопроса.

— **Уровень подготовки учителя ШДК должен просто зашкаливать, это — энциклопедическая личность. Где взять таких учителей?**

— Ещё в 1987-89 гг. была разработана система подготовки учителей ШДК и затем опробована в Нарве, в Свободном университете «Эврика». Обучение осуществлялось и в РГГУ. Очень интересные формы подготовки учителей ШДК разработали и экспериментально опробовали украинские специалисты.

— **Разве у всех детей достаточно способностей (и склонностей), чтобы они с равным интересом и глубиной изучали Платона или Достоевского?**

— Платона дети начинают обсуждать в третьем-четвёртом классе, Достоевского — в десятом. К этому их готовят, работая с текстами волшебной сказки, басни, рассказа, натурфилософскими произведениями Демокрита и Фалеса, фрагментами из Геродота, Фукидида и Плутарха, Эвклида и пифагорейцев.

Что касается способностей, то в ШДК (как и в школе Давыдова) они считаются прямым результатом формирования, а не предпосылкой обучения. Склонности — вещь более тонкая, конечно. Если учитель-диалогист чувствует, что какой-то текст «не идёт» (в этом возрасте, в этом поколении учеников, в этом конкретном классе) — он имеет право выбрать другой текст.

— **Детям, наверное, комфортно внутри «лицейского братства». А как они потом адаптируются к «суровой реальности»?**

— «Лицейское братство» вовсе не комфортно, по-моему. Это и есть самая что ни на есть «суровая реальность». Реальность — это не то, к чему нужно адаптироваться, реальность — это предмет преобразования. В известном смысле школа во многом и есть — наука по изменению обстоятельств и самоизменению.

СФ

Эксперимент школы диалога культур в Красноярске завершился в конце 90-х. Элементы этой культуры обучения использует М.О. Наумова-Саввиных в красноярском Литературном лицее. Работают и учителя, которые обучались данной системе. С одним из них — учителем высшей категории гимназии «Универс» Галиной Борисовной БЕККЕР — читайте интервью в электронной версии газеты sibforum.sfu-kras.ru

внутри термометра — маленькие живые шарики, им горячо, и они стараются отлететь от горячего места...

...Может ли существовать треугольник, у которого одна вершина лежит на середине противоположной стороны? Нет, этого не может быть! Ведь в таком треугольнике не будет углов! Почему? Будут: два угла нулевые, а один — развёрнутый...

Традиционные методисты обвиняли нас в отходе от главной догмы обучения: урок должен начинаться проблемой, а заканчиваться решением проблемы! А у вас вначале у детей нет никаких проблем, а в конце урока каждый уходит с проблемой. Когда же вы скажете детям, как явление выглядит на самом деле? А сторонники развивающего обучения недоумевали: где учебная задача? где познание? где диалектика?

Мы понимали, что диалог — сердцевина того типа понимания, который характерен для современного человека. Диалектика на некотором этапе развития мысли допускает видимость спора: можно посмотреть на объект так, можно — эдак. Противоречие! Но в диалектике противоречие должно быть преодолено, снято. Обе спорящие стороны примиряются в высшем синтезе. По сути на идее противоречия развивается не человек, а понятие. Свободная личность не требуется, дело сводится к усвоению единых схем мышления и речи. Мы хотели строить образование, удерживающее самость ребёнка, его незаменимую позицию в мире. Предмет учебной деятельности ребёнка — формирование собственного видения объекта (числа, слова, явления природы). Несколько появившись ребёнок становится способным понять, как его товарищ по классу видит число или явление природы, и задаётся вопросом: почему наши понимания не совпадают?

Обсуждая «вечные проблемы бытия», дети и учитель высказывают различные (в предельных точках диалога — культурологические различные) идеи. Их взаимодополнение и есть жизнь диалогического понятия — и жизнь общества.

Ирина БЕРЛЯНД на основе изучения детских диалогов о числе и сопоставления этих диалогов с идеями античной и современной математики написала книгу «Загадки числа» (1997), а психолог и биолог Алексей ЮШКОВ — книгу «Загадки природы» (1997). Эти книги выступают теперь в качестве учебных

ду такими детьми уже в конце первого класса может быть продуктивным и ведёт к слышанию во всё углубляющемся понятии различных правд.

Исследования показали, что учащиеся, оканчивающие начальную ШДК, обладают следующими учебными способностями: умение выразить своё отношение к предмету в слове, рисунке или схеме; понимание своих товарищей и учителя, удержание в устной и письменной речи разных точек зрения; потребность обращаться к текстам иной культуры при решении учебных проблем; воспроизведение инокультурного взгляда с острым осознанием его отличия от собственного; работа с литературой; способность задавать вопросы, интерес к «вечным» проблемам бытия.

В 7-8 классе, при изучении культуры нового времени, возникают математические, химические, литературоведческие учебные группы. Обучение в них концентрируется вокруг чтения ключевых произведений нового времени и создания школьниками собственных учебных произведений (обосновывающих, например, собственное прочтение Толстого). Работая над «своим Галилеем» или «своим Пушкиным», подросток ведёт себя предельно самостоятельно. Здесь, в гуманитарном диалоге, формируется Читатель, а особенности понимания Шекспира или Лермонтова данным учеником становятся предметом анализа, иллюстрирования, пародирования в учебной группе.

Школа без изгоев

Красноярский опыт показал, что в ШДК селекция детей не требуется как на этапе приёма в школу, так и на кризисных возрастных этапах обучения, где селекция особенно опасна. Работа педагога с группой, состоящей из самых разных ребят — тугодумов и мыслящих быстро, натуралистов и поэтов, исследователей кабинетного типа и путешественников, — в ШДК существенно ценна. Для обучения диалогу важно и сохранение постоянного состава участников мыслительной работы. Новые участники («Сократ», или учитель физики, или новенький ученик) появляются на сцене по театральному принципу «Те же и...». Поэтому учитель начальных классов, со своим специфическим видением учебных проблем, со своим неповторимым голосом, первый читатель первых детских учебных произ-

Наша новая школа

Огромная школьная территория обращает на себя внимание двумя симпатичными «лазалками» (какие сейчас ставят на детских игровых площадках), большим и малым футбольными полями, беговой дорожкой и... отсутствием выгула собак, что вообще-то во дворах окраинных школ приходится наблюдать регулярно. С этой проблемой директор гимназии № 10 Светлана Вениаминовна САДОВСКАЯ боролась особо — приезжала утром в половине седьмого и вела беседы с собачниками: ну не должны дети убирать фекалии за вашими питомцами!

Так вот территория школы. Даже она понимается здесь как часть образовательной среды. В 2006 году гимназия № 10 Кировского района выиграла грант во Всероссийском конкурсе «Мой спортивный школьный двор», что позволило значительно улучшить условия занятий на воздухе и в группе продлённого дня. А теперь здесь думают над ландшафтным дизайном, оформляют опытные зоны по экологии и биологии, восстановили отопление в теплице, где будет экспериментальная площадка. Ещё есть идея обустройства гимназического планетария, а зимой во внутреннем дворике собираются заливать каток.

Вообще-то сегодня в Красноярске трудно найти школу, которая не имела бы что предложить: новые программы, современные технологии, оригинальные проекты. Но в гимназии № 10 всего этого как-то особенно много. Гимназия функционирует в режиме полного дня, где программы общего и дополнительного образования интегрированы в один учебный процесс. Имеет статус федеральной экспериментальной площадки по реализации проекта «Создание школы открытого образования». Внедряет программу «Школа проективных стратегий», основу которой составляют разрабатываемые совместно с детьми проекты предметной, социальной и здоровьесохраняющей направленности. Материальная база содержит всё или почти всё для организации исследовательской и проектной деятельности: электронные микроскопы, интерактивные доски, 3 компьютерных класса с выходом в Интернет, кабинет цифровых технологий, класс интерактивного тестирования, наборы LEGO-конструкторов NXT, цифровую лабораторию «Архимед», видео- и радиоаппаратуру. Образовательный процесс включает музыкальное, хореографическое, театральное, художественное направления. На базе гимназии открыт филиал Литературного лицея, проводятся творческие мастерские, создан музей «Сибирских писателей», открыт Солнцевский литературный центр. В субботу и воскресенье работают туристический клуб и клуб выходного дня — специально для того, чтобы создать «общее место» для родителей, детей и учителей.

Со Светланой Вениаминовной мы беседуем в перерыве между заседаниями в управлении образования и собранием трудового коллектива.

— **Ваша гимназия дважды получала гранты в размере миллиона, становясь победителем приоритетного национального проекта «Образование». Как Вы считаете, грантовая система достаточна, чтобы финансово подпитать школу?**

— Правильно вы сказали: подпитать. Подпитать достаточно. А вот чтобы развиваться постоянно, до высокого европейского уровня — средств не хватает. Российское образование надо поднимать! Да, несколько лет мы получали финансирование по нацпроекту. Но вот уже два года, как всё затихло. А ведь когда появилась грантовая поддержка, мы с удовольствием в этом участвовали: писали проекты, реализовывали их, развивались. Посмотрите, как у нас оснащены кабинеты — все удивляются. Пожалуй, лучшее школьное оборудование в городе. Летом будем устанавливать новую химическую лабораторию, так специа-

листы некоторых вузов говорят: да, наше оборудование отдыхает по сравнению с вашим. Но ведь из этого не следует, что финансовый кран школам на этом можно и перекрыть.

— **А на что Вы бы потратили ещё один грант?**

— Теперь — в первую очередь на повышение квалификации учителей. Нам уже порой не хватает подготовки, чтобы максимально использовать имеющиеся возможности.

— **Но как вырвать учителей из учебного процесса — детей без уроков не оставишь...**

— Для меня это приоритетно, и я найду замену в течение учебного года, лишь бы учитель учился, тем более если он сам этого хочет. У нас все учителя стопроцентно проходят курсы повышения квалификации хотя бы раз в пять лет. А бывает, в год по два-три раза ездят на учёбу, если идёт логичный цикл обучения, который нельзя прерывать, и я отпускаю. Сейчас наш Институт повышения квалификации стал активнее работать, применять новые технологии, а то ведь здесь учиться было невозможно — курсы для галочки, учитель для себя ничего не получал. Так мы в Москву целые группы посылали.

— **И всё же сегодня, когда появился широкий выбор программ, дополнительных образовательных услуг, как выбрать школу, в которую стоит отдать своего ребёнка?**

— Самый верный критерий — советы тех, чьи дети уже учатся. Это лучший, проверенный вариант. В нашей гимназии только 30% детей с микроучастка. Остальные — из разных районов города, даже таких отдалённых, как Северный, Зелёная роща, Взлётка. При этом мы никогда специально не делали рекламу, но каждый год при наборе в первый класс вынуждены отказывать большому количеству родителей из-за отсутствия мест, хотя школа у нас большая — 950 учащихся.

— **Гимназия, наличие эстетического отделения — это означает, что ваша школа выпускает преимущественно гуманитариев?**

ДОСЬЕ

Светлана Вениаминовна САДОВСКАЯ. Закончила физико-математический факультет Стерлитамакского государственного педагогического института (Башкирия). Склонна к постоянному самообразованию. Освоила квалификацию по информатике, ТРИЗ. Получила второе юридическое образование, изучает экономику. Считает, что если остановишься хоть на шаг — потом придётся сделать 10 шагов, чтобы достичь прежнего уровня. Почётный работник общего профессионального образования РФ. Став директором, реализовала свою потребность в экспериментальной деятельности, но в душе остаётся предметником — лишь последние два года не ведёт физику, оставив за собой индивидуальные занятия. Не представляет свои уроки без опытов, сама изобретает приборы.

Занималась горным велоспортом, имеет золотой значок по стрельбе, увлекается лыжами. Сын учится на втором курсе Торгово-экономического института. Дочь — первоклассница 10-й гимназии.

— Нет, гуманитариев у нас лишь 50%. Программа гимназии дала нам возможность ввести не только художественно-эстетический профиль, но и естественно-научный, математический, информационный — самый востребованный, кстати. А наиболее развито у нас, я считаю, проектно-исследовательское направление — здесь равных нам в городе, пожалуй, нет.

— **Верно ли, что современные образовательные стандарты предполагают обучение только азам необходимых предметов: читать, считать, немного разбираться в компьютере, слегка знать английский. Требования**

к среднему ученику становятся всё проще, а более глубокие знания можно получить лишь через дополнительное образование, то есть — платно.

— Это не так. Мне очень нравится новый стандарт, который вышел по начальной школе. Да, если прежний предполагал «знания, умения, навыки», то сегодня и другая деятельность включена в стандарты — внеурочная, проектная, исследовательская, сейчас это вписано в учебный план. Детям это очень нравится. ТРИЗовцы — вообще особая тема, какие они открытия делают. Мы сейчас купили робототехнику, со второго класса идёт знакомство с информатикой, а с пятого школьники уже сами проектируют, пишут программы для своих роботов. У нас шикарное телевидение, фильмы дети монтируют, действует пресс-центр.

С шестого класса школьники выбирают курсы для того, чтобы разобраться в своих склонностях, попробовать себя в разных областях. В старшей школе образование уже чётко состоит из двух уровней — базового и профильного. Здесь мы взаимодействуем с профессиональными лицеями №№ 16, 56 и 54, Межрегиональным правовым колледжем СФУ, школьными университетами СФУ и ТУСУРа, городской аэрокосмической

— Нет, здесь я согласна с президентом. Я тоже считаю, что мы должны сделать ребёнка конкурентоспособным, и тогда ему будет комфортно в жизни, он займёт своё место там, где захочет. А старые нормы остаются, но ведь мы их давно перешагнули, и они — мешают. Там, вне школы, всё другое, поэтому и здесь должно быть другое, соответствующее современному миру.

— **Вы составляете рейтинги успешности детей. Это их не травмирует?**

— Нет, мы ведь учитываем все показатели. Недавно, например, у нас прошёл парад звёзд. Как-то мы привыкли награждать только ударников и отличников, а есть ведь другая деятельность, разносторонняя. И если раньше мы по результатам года награждали 15-20 человек, то в этот раз — 158! За внутришкольные достижения (например, участие в субботнике), проектную деятельность, победы в конкурсах. А для ребёнка это так много значит — чтобы его пригласили на сцену, дали грамоту и сказали: какой ты молодец! Ну не дано ему по общеобразовательным предметам быть успешным, зато он в музыке второе место в международном конкурсе занимает, так почему его не похвалить?

Я как раз за внеурочные занятия, когда душа ребёнка развивается, интересная ребёнку, где он успешен, — тогда и основная пойдёт. А когда только базовые предметы — будет сухарь. Мне бы хотелось, чтобы ребёнок бежал в школу, чтоб ему здесь нравилось. Я это по своей дочери вижу, она уходит из школы не хочет. В пять часов говорю: ну всё, Катя, пошли домой. Она: продлёнка до шести? — я до шести останусь.

— **Сегодня общество многое требует от школы, а у школы есть встречные претензии?**

— Пожалуй, я бы отметила только то, что появилось много родителей, которые просто скинули своих детей на школу. Их даже для беседы невозможно пригласить, ответ: а мне некогда! Ребёнок может быть не допущен до экзаменов, а мама не соизволит прийти. Многие не могут справиться со своими детьми, не являются для них авторитетом. В четвёртом классе ребёнок покуривает, а родители пожимают плечами: ну и что мы можем сделать? Таких случаев очень много, по сравнению с тем, что было раньше, ответственность родителей стала минимальна.

— **Конфликты учителя с учеником всегда были и будут. Как они решаются?**

— В апреле на межрегиональной экспертной конференции «Наша новая школа — план реализации» заместитель министра Исаак КАЛИНА сказал такую вещь, что не существует отдельного педагога — он должен быть включён в систему педагогической деятельности школы и в этом смысле быть единицей взаимодействия. То есть учитель как подвижник, властитель душ в новом веке теряет своё значение, поскольку становится понятно, что он является обычным человеком, вооружённым определёнными инструментами деятельности — знанием предмета, методикой, технологией. Это означает, что педагог занимает всё более тьюторскую позицию, обеспечивая учащегося психологическую, педагогическую и информационную помощь. Умеет принять ученика таким, какой он есть, даёт ему право на самобытность и самопроявление. И в то же время

ведёт к результатам, мотивирует на преодоление препятствий, поддерживает в начинаниях, не навязывая своего мнения. Этот внутренний переход очень сложен из-за сложившегося стереотипа, что учитель всегда прав.

Что касается конфликтов — да, они есть, как есть и правила поведения в такой ситуации. Также для регулирования конфликтных ситуаций в гимназии создана психолого-педагогическая комиссия, а для их профилактики — психологический клуб общения «Кто я?».

— **Жизнь в школе циклична: каждый год новые первоклашки, каждый год — уходят выпускники. Как сделать, чтобы это не опустошало, сохранить энтузиазм — свой и коллектива?**

— Психическая усталость накапливается, если человек выполняет одну и ту же работу. А если каждый день что-то новое, если куча идей и разнообразных дел, то некогда впадать в апатию. Наш коллектив в возрастном плане очень разнообразный — от 22 до 67, но не могу назвать перегоревших. Хотя и от меня как администратора зависит создание благоприятного психологического климата, поощрение, грамотное планирование и корректный контроль, а сейчас ещё требуется учесть и минимизировать риски при переходе на новую систему оплаты труда.

— **Это самая актуальная и обсуждаемая тема в школе, наверное. Но правильно ли то, что за основную деятельность — ведение уроков — учителя будут получать, как получали, а стимулирование сверх того — это за какую-то дополнительную, может, даже надуманную деятельность?**

— Нет, и базовая зарплата за ведение уроков, и доплаты будут назначаться за результат: дети хорошо сдали ЕГЭ, победили в олимпиаде, написали научную работу. Проектная, исследовательская деятельность будет учитываться.

— **Чего учителя ждут в Год учителя?**

— Вы знаете, в Год учителя — столько проверок! Такое чувство, что все только и ждали этого года.

— **Хочется крикнуть: «Оставьте нас в покое!»?**

— Да, школы перегружены в последние годы всевозможными реформами, преобразованиями. И колоссально много отчётов. Мы же порой без выходных сидим и пишем отчёты в разные инстанции. Прокуратура, управления образования разного уровня, пожарные, Роспотребнадзор, казначейство... Мы как-то посчитали с заместителями, сколько у нас бумаги уходит в день — две пачки минимум. А ведь её ещё заполнить надо. Хочется, чтобы кто-то нас услышал, потому что содержательно работать становится некогда. Конечно, контроль нужен, но хорошо бы действия разных органов были согласованы, а те, кто проверяет, — являлись профессиональными экспертами.

Справедливости ради надо отметить, что вышестоящие органы оказывают и поддержку, не только требуют, но знают и понимают школу.

— **Есть ли у Вас нереализованная мечта?**

— Одна коллега-директор мне сказала: создала мегаполис и не знаешь, что с ним делать. Моя мечта — систематизировать всё, что я здесь натворила. Чтобы развитие школы шло в одном русле, в одной логике. Тогда и руководство легче будет осуществлять, и все процессы будут идти успешнее.

Валентина ЕФАНОВА

РЭП

Рубрику ведёт доктор филологических наук **Т.В. ШМЕЛЁВА**, профессор Новгородского университета им. Я. Мудрого

Это слово просится в лексикон современного интеллигента именно в связи с проблемами образования. Потому что школа, насколько я знаю, проходит мимо этого сокровища. Удивлены?

Но сначала о слове *рэп*. Оно пришло к нам из Америки, где в 70-е стало именовать набирающее всё большую популярность направление музыкальной культуры негритянских кварталов.

По поводу его происхождения нет общего мнения. Одни считают, что это словечко — английское, точнее американское сленговое слово, означающее «говорить». И действительно в рэпе главное — ритмичное говорение под музыку с ломаным битом. Другие утверждают, что RAP (а так он выглядит первоначально) — это аббревиатура от выражения *Ритмическая*, а то и *Радикальная американская поэзия*.

Но независимо от того, как оно родилось, это слово извест-

но сейчас, без всяких преувеличений, во всём мире. И, конечно же, у нас. Естественно, что оно пришло не само по себе, а с целым словариком: производным от него *рэптер* — приверженец рэп-культуры; *МС* — тот, кто читает; *трек* — то, что слушают (по привычке иногда называют песней); *минус* — музыка, под которую читают и которая состоит из *бита* и *эмпла*...

Русские рэперы пополнили этот словарь своими словечками — *рэповать*, *рэпчик*, *рэпчина*, *рэпак*, *рэпнячок*, *рэперша*, *рэпачё*... И это только слабый сигнал того, что за пару десятков лет, отталкиваясь от заморских образцов, русские музыканты и — не побоюсь этого слова — поэты создали свой самобытный русский рэп.

Часто говорят, что он напоминает русский раешник, но традиции раешника не сохранились до нашего времени — это история русской народной культуры. А русский рэп родился на наших глазах. И если раешник — феномен устной культуры, то рэп — живёт главным образом в виртуальном пространстве, без компьютера рэпера не представишь.

Что же означает слово *рэп* здесь и сейчас? Это **культура**

массового словесного самовыражения и ещё более массового слушания часто остро социальных, часто лиричных, но, как правило, содержательных и хорошо сделанных текстов. Рэп сделал привлекательным умение создавать свои тексты, находить незаезженные рифмы и метафоры, просто знать много слов и строить из них развёрнутые тексты.

В рэп-культуре стало востребованным умение «писать на заданную тему»: одна из самых массовых форм участия в ней — это баттлы, Интернет-соревнования МС, в которых принимают участие до 10 000 человек. На старте, разумеется, потом проигравшие выбывают, и таким образом выявляется победитель.

А если говорить о том, насколько массово вовлечение в рэп-культуру, то можно сказать, что на форуме сайта RAP.RU более 74 тысяч пользователей; а HIP-HOP.RU — более 167 тысяч.

И при чём же здесь школа? Вот она-то и проходит мимо этого сокровища — стремления молодых людей самовыражаться в слове, развивать свой артикуляционный аппарат для того, чтобы произнести со сцены или дома перед микрофоном сложный текст, тренировать свою па-

мять, чтобы такие тексты запоминать и прочитывать на одном дыхании.

Не хочу сказать, что все рэперы — школьники. Добившиеся признания — уже солидные люди. Это, например, московская группа «Многоточие», лидеры которой по образованию валеологи. Или ростовская «Каста» — в ней есть кандидат экономических наук. Но интересуются рэпом, пробуют себя в этой культуре как раз в средней школе.

Наша школьная словесность малоэффективна отчасти и потому, что упражнения в ней далеки от того, что реально интересует и привлекает школьников, что им понятно и престижно в их среде. Поэтому включение рэпа в поле зрения учителей словесности было бы — я уверена — шагом к взаимной заинтересованности школы и школьника. Кстати, в Америке школьный факультатив по рэпу — не фантастика.

Зная о том, как рэп входит в жизнь ребёнка не понаслышке, а как мать рэпера, могу сказать, что увлечение рэпом может стать настоящей лабораторией языковой культуры.

Надо научиться **слушать** длинные и сложные тексты. Если серьёзно увлечёшь и начать

собирать собственную их коллекцию, надо уметь их как-то **систематизировать**, а значит, анализировать по разным признакам. Идея записать тексты (а это давняя традиция подростковых песенников) даст школьнику колоссальный **графический и орфографический опыт**, с которым не сравнится редким школьным диктантам. Не стоит уж и говорить о важности попыток **создания собственных текстов**, предъявления их публике, опыта сценического поведения. Участие в баттлах оттачивает умение раскрывать тему, языковое мастерство, речевые навыки.

В меньшей степени, чем учителям, важно ввести в свой лексикон слово *рэп* и понимание его существа родителям. Если ваш ребёнок проявляет малейшие признаки интереса к рэпу, поддержите его — и вы станете союзниками, будете видеть, как он растёт и становится всё более уверенным и умелым рэпером — знатоком, ценителем, собирателем и, может быть, создателем треков.

И обязательно хвалите его, потому что дети растут на похвалах, как на дрожжах, как когда-то писал Симон Соловейчик. Безотносительно к рэпу.

МЕСТО ВСТРЕЧИ

Профессура и сети

Профессор Хайнер Барц из Дюссельдорфского университета им. Генриха Гейне посетил СФУ с циклом выступлений о новейших технологиях в организации образовательного процесса и социальных сторонах высшего образования.

В российских столицах принято считать, что до Сибири все новинки добираются нескоро. Не имея желания спорить с этим, без сомнения, великодержавным утверждением, отмечу, что поставщиком инновационных технологий в образовании для всей нашей страны по-прежнему является Европа; тут мы с той же Москвой находимся в одинаковых условиях. На первой своей лекции профессор Барц рассказал старшекурсникам-социологам о том, как электронные технологии завоёвывают всё более основательные позиции в высшей школе. Этому любопытному вопросу в частности — но, разумеется, не только ему — и посвящена наша беседа.

— Дюссельдорфский университет имени Генриха Гейне готовит философов и искусствоведов, врачей, экономистов, математиков, биологов... Так много различных специальностей — это немного удивительно, в России всё не так.

— Правда? До недавнего времени университет в Дюссельдорфе был только лишь медицинской академией, довольно известной. А так в классических высших учебных заведениях Германии разрешено комбинировать различные специальности. Скажу больше: для полного соблюдения традиции нам не хватает только факультета теологии. В Берлине, Гамбурге, Дрездене они есть.

— То есть несмотря на то, что университет назван в честь великого немецкого литератора, гуманитарного уклона в нём не наблюдается?

— Я так полагаю, что — как и везде в Европе. Во всех больших университетах с каждым годом расширяют свои позиции технические и естественно-научные специальности. Для них увеличивается финансовая поддержка, больше студентов приходит учиться, больший простор для научных исследований предлагается... Это болезненная тема — гуманитарное образование.

— А для России образование в целом — вечно болезненная тема. У нас так часто пытаются исправить какие-то недостатки в системе, что общество привыкло рефлексировать на всё происходящее с глупым не-

довольством, что бы ни происходило. Немецкий народ более толерантен к изменениям этой сферы жизни?

— Могу вам сказать, что в Германии общество довольно скептически относится к любым попыткам реформирования вообще, а уж, тем более, к реформированию образования. Например, большое негодование в университетах вызвала последняя реформа. Огромное количество студентов протестовало — они оккупировали здания университетов и несколько дней не уходили из аудиторий. Почему? Студенты не хотят платить за обучение. (*Четыре года назад всё высшее образование в Германии было бесплатным — прим. авт.*)

Ну, и, разумеется, немецкие студенты, как и часть профессуры, крайне негативно настроены по отношению к Болонскому процессу, который, по их мнению, бюрократизирует процесс обучения.

— Кажется, что немцы — народ чрезвычайно уравновешенный. Скажите, стабильная ситуация в образовании равна стабильной ситуации в стране?

— Такую параллель можно провести. Последние сорок лет в нашей стране наблюдаются ожесточённые политические дискуссии по вопросам образования. Одна партия говорит, что мы вовсе не должны трогать систему обучения в высших школах, всё должно быть стабильно, «законсервировано». Другие же считают, что,

напротив, необходимо провести множество реформ. А главный предмет споров — создание единой школы доуниверситетского образования.

Дело в том, что в Германии после четвёртого класса ученики разделяются — у нас существует четыре типа средних школ. Ни в России, ни во Франции, ни в Великобритании такого нет. А сейчас создают так называемую объединённую школу, как в России, а это ведь — важное изменение, для родителей, для самих учеников и будущих абитуриентов.

— Первая Ваша лекция в СФУ была посвящена опыту внедрения электронного обучения («e-learning») для студентов немецких вузов. А e-learning можно рассматривать как подобную глобальную реформу образования?

— Да. Более того, скажу — возможно, что это даже небольшая революция! Мы ведь говорим не только о том, что преподаватели могут выкладывать конспекты своих лекций в Интернет для скачивания. Это — первый этап. Стандарт Web 2.0, последняя ступень в развитии e-learning, требует использования самых современных технических и проектных ресурсов, потенциала социальных сетей... Это — организация огромных виртуальных пространств для общения, создание такой системы обучения, в которой отсутствует вертикаль «учитель-ученик». Каждый учит каждого. Да, это революция, в том числе, и в мышлении. А в отдалённом будущем в некото-

рых специальностях мы сможем говорить о дипломах, полученных исключительно электронным путём...

— Наверное, частичный переход на электронное, или, как его называют в России, дистанционное обучение, должен быть выгоден государству. Ведь это поможет сэкономить бюджетные средства, выделяемые на образование?

— Нет, вы ошибаетесь. Тут вообще другая ценовая политика. Подготовка электронных курсов, разработка принципиально новых проектов преподавания стоят больших денег, вполне сопоставимых с затратами на классическое образование. Те же технические ресурсы, о которых я уже говорил.

— Среди Ваших диаграмм была такая, которая иллюстрировала опрос администраций немецких вузов. Насчёт того, почему именно стоит внедрять электронное обучение. На первом месте там такой пункт — «студенты будут получать большее удовлетворение от процесса учёбы». Почему же они решили, что студентам такая инициатива придётся по душе? Неужели действительно интересовались мнением студентов относительно нововведений?

— Разумеется, проводились многоступенчатые опросы. Да и здравый смысл подсказывает, что студентам это должно понравиться, поскольку они смогут дома готовиться к экзаменам, какие-то дисциплины вообще дома изучать... Они смогут кооперироваться в чатах, в блогах, решая в режиме реального времени свои учебные проблемы, проводить конференции и виртуальные научные встречи. Это ли не звучит увлекательно?

— А Вас не пугает, что студенты могут попросту «сбежать» в другие вузы, более престижные — в Англию, в Соединённые Штаты?

— Вы угадали, многих преподавателей такая вероятность развития событий держит в напряжении. Они боятся как того, что европейские университеты могут не выдержать конкуренции по каким-то направлениям, так и того, что студенческая аудитория примет какие-то плохо просчитываемые размеры.

Но дело в том, что, независимо от того, что студент смотрит и читает лекции других университетов, сдаёт экзамены он там, где учится.

— И ещё ведь встаёт вопрос защиты интеллектуальной собственности...

— На это я вам отвечу так: вот есть Массачусетский технологический университет, престижнейший политехнический университет в мире. И они не боятся распространять многие свои ма-

териалы совершенно бесплатно. А раз не боятся они, то чего опасаться мне?

— Вот Вам ещё один вероятный минус в копилку опасений: смотрите, сейчас университет просто учит людей по каким-то наработанным, привычным для понимания схемам. Не придётся ли в новой системе образования, максимально интегрированной в новые технологии, ещё и учить людей учиться?

— Я думаю, что для студентов пользование электронными ресурсами не будет проблемой. Скорее, это вызовет ощутимые трудности у профессуры. И, конечно, главная проблема — вовсе не проблемы в использовании, а недоверие к использованию.

— Наверное, педагогов должно стимулировать желание быть ближе к своим студентам, правда? Кстати, как много преподавателей имеют свои блоги и страницы в социальных сетях?

— О, может быть, процента два. Понимаете? Всего два процента от огромного количества! Я лично знаю только троих таких «смельчаков». Поэтому предстоит много работать, преодолевать множество барьеров, чтобы избавить профессуру от недоверия к новым коммуникационным технологиям.

— А Вы, разумеется, свой аккаунт на Facebook'e завели уже давно...

— Эм... Придётся признаться — у меня его нет... Наверное, просто не хватает времени на социальные сети. Так что комментарии от меня проще получить в натуральном виде. Или отправить письмо.

Разговор с профессором наводит на интересные мысли о возможности перехода нашего образования на «электронные рельсы». И поводов сделать это, быть может, даже больше, чем у коллег из-за рубежа: это, в первую очередь, проблема «доставки» как самих знаний, так и квалифицированных кадров в отдалённые районы края и страны. Не секрет к тому же, что у нас квалификация преподавателей в среднем ниже, чем в Европе, оттого столь ценной становится возможность трансляции знаний через Интернет несоизмеримо большей аудитории. Да и у студентов появляется дополнительное пространство для выбора, для сопоставлений.

Возможно, это тот самый случай, когда конкуренция станет стимулом для профессуры и пойдёт на благо всей системе образования в стране в целом.

Евгений МЕЛЬНИКОВ
Фото _ Алина НАЗАРОВА

«Каприччио» – звёздная страна

Недавно в квартире художественного руководителя Красноярского хора мальчиков и юношей «Каприччио» Ольги Викторовны АНДРОНОВОЙ раздался ночной телефонный звонок. Импресарио из Франции изъяснялся на ломаном русском: «В мае у нас открывается новое русское подворье. Приезжайте! Очень хотим вновь вас услышать!».

— В мае поехать во Францию не смогли, хотя очень любим выступать в этой стране, — сожалеет Ольга Викторовна. — У нас уже запланированы две другие поездки. Одна на Мальту — для участия в V хоровом фестивале, другая в Китай, где с 15 по 26 июля будет проходить Всемирная хоровая олимпиада. Кстати, в Поднебесную съедутся более 500 коллективов из 85 стран мира. Мы будем исполнять конкурсную программу, которая включает два классических произведения, спичричуэл и сочинение современного композитора Михаила ГАГОЛИНА. Сейчас идут интенсивные репетиции. Нынешний год у нас, вообще, особенный — отмечаем 20-летие хора. В качестве почётного гостя на торжество приглашён основатель «Каприччио», заслуженный работник культуры РФ Михаил Александрович ТИМОФЕЕВ, бессменно руководивший коллективом в течение 17 лет.

С Михаилом Александровичем мы связались по телефону. Сейчас он живёт близ Санкт-Петербурга, в Гатчине. На заслуженном отдыхе, но продолжает преподавать в обычной музыкальной школе.

Судьба таланта

— Михаил Александрович, три года назад Вы покинули Красноярск, не скучаете по «Каприччио»?

— Я до сих пор поддерживаю связь с родителями своих учеников: созваниваюсь, узнаю об их судьбе, радуюсь успехам. Меня очень порадовала новость о том, что вернулся к руководству культурой в крае Геннадий Леонидович РУКША. Это именно он 20 лет назад, находясь в командировке в Екатеринбурге, услышал капеллу мальчиков и загорелся идеей создать подобный хор в Красноярском крае.

Я очень обрадовался, когда узнал, что мой воспитанник, в прошлом солист «Каприччио» Андрей АНДРЕЙЧИК (баритон) решил оставить карьеру преуспевающего бизнесмена и поехал в Канаду для того, чтобы там профессионально учиться вокалу. Андрей пел в церкви Св. Марка во время Олимпиады в Ванкувере, исполнял партию Эскамильо в спектакле «Кармен» в Чехии, недавно получил приглашение спеть в Венской опере.

— А почему российские вокалисты продолжают профессиональное обучение за границей?

— Вы, наверное, думаете от хорошей жизни? Просто в нашей стране законом запрещено бесплатно получать второе высшее образование. А за границей талантам — дорога открыта.

— Народный артист СССР Сергей ЛЕМЕШЕВ вообще поначалу учился сапожному делу в Петербурге, и только позже обнаружился вокальный дар.

— А если вспомнить недавно ушедшую из жизни народную артистку СССР Ирину АРХИПОВУ, солистку Большого театра — талантливый архитектор, сколько всего в Москве построено по её проектам! В этой связи я часто вспоминаю ещё одного солиста «Каприччио» Игоря ТАРАСОВА. Он выпускник Красноярской архитектурно-строительной академии, закончил аспирантуру, преподаёт. Голос у него изумительный!

Однажды, будучи в Красноярске, народный артист СССР Зураб СОТКИЛАВА услышал, как Игорь поёт, и тут же пригласил его к себе, в консерваторию. Но Тарасов отказался, потому что по самым скромным подсчётам только на обучение, не считая оплаты жилья в столице, надо как минимум 120 тыс. рублей в год. Не каждый может себе позволить такие расходы, хотя Игорю, как никому, надо петь... В советские времена всё

было по-другому: тот же Зураб Соткилава закончил сначала Тбилисский политехнический институт, а уж потом бесплатно консерваторию...

— 17 лет работы в хоре — это целая жизнь, что сейчас вспоминаете с особым трепетом?

— Зарубежные поездки и выступления по стране. Помню и то, как вышестоящие руководители укоряли нас: «Тут публику надо завлекать, а вы всё классику поёте. Пойте песни!». Но мы упорно шли своим путём. Однажды, когда меня в очередной раз «пропесочили», я спросил у ребят: «Хотите петь шлягеры?» и в ответ услышал дружное: «Нет!». А я и не сомневался.

Хор мальчиков объявлял набор девочек

Ольга Викторовна Андропова возглавила хор «Каприччио» в 2007 году, а работать в нём хормейстером начала более 12 лет назад.

— Ольга Викторовна, что собой представлял коллектив на тот момент?

ресно уже с мальчиками петь, и не достигнешь такого высокого уровня, как хотелось бы. Кроме того, идёт интенсивная концертная деятельность, а мальчики требуют каждодневной бесконечной работы, чего при постоянной гонке не получается. Казалось, что с девочками будет проще: и дисциплина крепче, и голос не так стремительно мутирует — можно годами петь, не меняя состав. Да и сами юноши просили набрать девушек — им интересно было выучить новые программы. Ожидания оправдались. Молодёжный хор успешно концертировал и в нашей стране, и в 2000 году съездил в Австрию (г. Линц) на Всемирную хоровую олимпиаду, получил там золотой диплом победителя.

— И что же произошло потом — почему девочки покинули коллектив?

— Молодёжный хор в составе «Каприччио» пять лет существовал на энтузиазме, без всякой материальной поддержки сверху. К тому же девочки оказались не такими дисциплинированными, как мальчики — часто пропускали репетиции. В конце

воспитать ребят культурными людьми, а это невозможно, если не относиться по-человечески к каждому ребёнку. Михаил Александрович особое внимание уделял вокалу, со многими занимался индивидуально. Теперь его воспитанники поют в наших театрах: Евгений ДУДНИК — солист музыкального театра, Алексей ПЕРЕПРЫГИН и Александр СИБЕР — артисты хора театра оперы и балета и т.д.

— Много ли вообще хоров мальчиков в России?

— По пальцам можно пересчитать: в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге. В основном все они студенческие или любительские.

— Накладывает ли время отпечаток на репертуар «Каприччио» — появляются ли принципиально новые программы?

— Недавно мы исполнили «Военный реквием» БРИТТЕНА. Музыка эта, конечно, очень сложная и по языку, и по драматургии, но мальчики справились. Хотя, я думаю, они справились бы с этим сочинением и 10 лет назад. Другое дело, что сейчас редко когда увидишь недви-

малообеспеченные, есть мамы-одиночки. Занятия в хоре бесплатные. Денежную родительскую помощь мы принимаем только в виде благотворительных взносов.

— Как думаете, чем воспитанники «Каприччио» отличаются от своих сверстников?

— Они более культурные, собранные, умеют рационально распределить своё время. У нас ведь три раза в неделю по два часа занятий хора, не считая концертных выступлений — а это очень напряжённый график! Также ребята изучают сольфеджио, знакомятся с музыкальной литературой. Многие успевают в свободные дни посещать спортивные секции, заниматься в музыкальной школе.

А вы посмотрите на их лица — они какие-то особенно красивые, одухотворённые, что ли... Видимо, это сила музыки, она ведь в самые потаённые уголки души проникает, и словами невозможно объяснить этот феномен...

Но они же ещё и талантливые!

Концертмейстер Лариса Андреевна ЮШКОВА работает в коллективе с 1993 года. Она находит общий язык с любым, даже самым капризным ребёнком.

— Впервые Михаил Александрович пригласил меня сыграть с хором осенью 1993 года в Органном зале, — вспоминает Лариса Андреевна. — С вокалистами выступать всегда сложнее, чем с инструменталистами: это и другой дирижёрский жест, и дыхание важно учитывать. Но и в самый первый раз всё прошло удачно. С тех пор работаю в хоре вот уже 17 лет. Об этом времени хоть роман пиши...

— С кем приходилось выступать хору «Каприччио»?

— С нашим коллективом работали японский дирижёр Сусумо МАЦУМОТО, Камерный оркестр Новосибирской филармонии, Красноярский академический симфонический оркестр и Красноярский филармонический русский оркестр, Красноярский камерный оркестр «Глория»; хор, оркестр и солисты Красноярского театра оперы и балета, ансамбль «Виртуозы Красноярска», лауреат международных конкурсов органистка Людмила КАМЕЛИНА и многие другие.

Однажды с нами в одном концерте солировал отец Дмитрия ХВОРОСТОВСКОГО (тогда сам Дима ещё не был звездой и пел в Красноярском оперном). Александр Степанович не любитель публичных выступлений и очень стеснялся, хотя у него красивый баритон, и тембр очень похож на Димин.

— Очевидно, чтобы приструнить мальчишек, нужно железное терпение — не зря же «Каприччио» переводится с итальянского, как прихоть, каприз?

— Да, видели бы вы, как они резвятся, кувыркаются в перерывах между репетициями... С маленькими, конечно, сложнее — первые полгода те просто «гудят» так, что уши вянут. По отдельности каждый интонирует, но вместе они должны слиться в один голос, а это поначалу сложно. Но всё-таки они талантливые!

— Действительно ли в хоре вырабатывается слух?

— Обязательно, именно хор формирует слух даже больше, чем инструментальное индивидуальное занятие. Дети наши могут подстраивать любой голос в любой песне. Встречаются даже очень редкие для хора мальчиков голоса. Помню, пришёл к нам Егор СУСЛОВ. Пятилетняя кроха так басила, что мы диву давались. В результате сейчас в хоре очень редкий бас profundo!

Мальчики хоть за кулисами и любят покурлесить, но умеют мобилизоваться, выходя на сцену. «Каприччио» для всех нас — это своя особая страна, где жизнь и работа так тесно переплетаются, что коллектив уже становится семьёй.

Вера КИРИЧЕНКО

P.S. В юбилейный год хор «Каприччио» мечтает получить в подарок профессиональную цифровую фотоаппарату, видеокамеру и новый ксерокс. Всё это крайне необходимо коллективу для работы.

ДОСЬЕ

Хор мальчиков и юношей «Каприччио». В коллективе занимаются более 80 мальчиков и юношей в возрасте от 5 до 25 лет. Творческая работа направлена на возрождение традиций мужского хорового пения. Репертуар хора составляют произведения старых мастеров эпохи Возрождения и композиторов XX века, духовные и светские сочинения зарубежных и русских классиков, песни народов мира и джазовые композиции.

Хор «Каприччио» — неоднократный лауреат международных фестивалей и конкурсов, в том числе: 1995 год — Международный хоровой конкурс в Будапеште, серебро; 2000 год — I Всемирная хоровая олимпиада в г. Линц (Австрия), золотой диплом; 2004 год — III Всемирная хоровая олимпиада в г. Бремен (Германия), серебряный диплом; 2008 год — II Международный музыкальный фестиваль в Париже (Франция); 2009 год — IV Международный хоровой фестиваль-конкурс на Мальте, диплом I степени.

— Хор состоял из 80 человек и уже тогда был на высоком уровне — занял второе место в 1995 году на Международном хоровом конкурсе в Будапеште, успешно выступил в 1996 году на Всероссийском фестивале хоров мальчиков в Екатеринбурге. И в момент моего прихода готовился к поездке в Японию на VII Международный музыкальный фестиваль.

— Именно в 1997 году по всему городу были расклеены шокирующие объявления: «Хор мальчиков объявляет набор девочек от 14 лет»...

— Как это ни странно звучало, но действительно, Михаил Александрович принял решение создать смешанный молодёжный состав хора. Зачем это было нужно? Руководитель решил, что юноши подрастают, им неинте-

рессно было принято решение расстаться... Однако в коллективе продолжали существовать разные составы: младший (с 7 до 10 лет), концертный состав (9-13 лет) и юношеский.

Индивидуально-хоровой подход

— Ольга Викторовна, есть расхожее мнение: если хор, то о каком индивидуально-хоровом подходе можно говорить?

— С одной стороны, важно никого не обидеть и не вознести. В то же время, каждому нужно уделить внимание, раскрыть внутренний мир, заметить особенное. В этом плане многому можно поучиться как раз у Михаила Александровича Тимофеева — он в каждом что-то положительное подмечал. Наша задача

жимый хор на сцене: всё больше уклон на хоровое представление или хоровой театр. Но я убеждена, что классика всё равно должна исполняться традиционно, без каких-либо фливорностей. Мы именно на классику делаем упор в своём репертуаре, потому что эта музыка и вокально воспитывает, и духовно возвышает человека. Слушатели очень любят обработки народных песен и военную концертную программу в нашем исполнении.

— Поговаривают, что хор «Каприччио» принимает только детей из обеспеченных семей.

— А вот это неправда! Ребятишки приезжают из самых отдалённых районов города — из Черёмушек, с улицы 60 лет Октября, из Ветлужанки и т.д. Среди родителей есть многодетные,

Практика актуального искусства

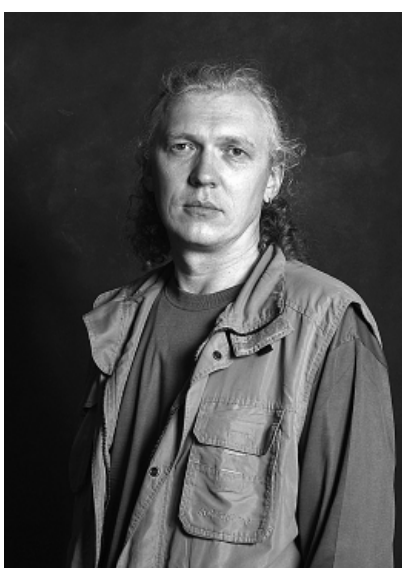
Современное искусство порождает много противоречивых мнений. Кто-то полностью погружается в этот мир, отменяя его выразительность и масштаб возможностей. Кто-то брезгливо морщит нос и говорит о постмодернизме. Многим поиски современных художников не интересны, а скорее – неизвестны.

В Красноярске практики современного искусства наиболее последовательно применяет Красноярский музейный центр. Его сотрудники уже 17 лет культивируют идеи актуального творчества. Одним из проектов, направленных на развитие творческих сил Красноярска в русле современного искусства, стала «Арт-сессия». Мы говорим с её куратором — Вадимом Геннадьевичем МАРЬЯСОВЫМ.

— **Расскажите, как возникла идея арт-сессии?**

— Ещё в 1992 году я работал в архитектурной мастерской, где мы продвигали идеи концептуального проектирования — делали с ребятами интересные нестандартные работы, которые не вписывались в рамки учебных заданий. Именно тогда в моё сознание была заложена модель студенческой мастерской. Работа с молодёжью в музее существовала всегда. Но до последнего времени в Красноярском музейном центре было два системных проекта — Биеннале и Музейная ночь. Не хватало чего-то другого, молодёжного и в то же время серьёзного. Так появилась арт-сессия, которая изначально задумывалась не только как презентационная площадка. Слово «сессия» здесь не случайно. Ей предшествует образовательный период, в рамках которого участники разрабатывают свои проекты. А три дня арт-сессии — это своеобразное подведение итогов, которое сопровождается лекциями, мастер-классами, дискуссиями.

Арт-сессии породило то самое творческое движение снизу, которое на сегодняшний день не заметить нельзя. Как нельзя было не заметить молодёжь, прыгающую по бордюрам, скейтбордистов, паркурщиков... И когда их стало уже опасно не замечать, создали Центр экстремальных видов спорта, обеспечив тем самым безопасность и развитие участников. Если сравнивать молодёжь, тяготеющую к экстремальным видам спорта, и молодёжь, тяготеющую к современному искусству, то параллель можно провести очень легко.

— **То есть феномен современного искусства опасно игнорировать?**

— Феномен современного искусства — очень серьёзный в мировой практике. Поэтому быть дистанцированным от него, отвергать и игнорировать его, безусловно, опасно. Мы знаем, чем заканчивается изоляция государства со своей собственной идеологией. Современная молодёжь интегрирована в современный мир. Она всё видит, замечает и сопоставляет. Никто не отрицает, что традиционное искусство нужно. Но если у нас есть одна школа, то должна быть и другая. Это не значит, что современное искусство должно заменять традиционное. Они могут существовать параллельно. В Европе и Америке, например, традиционное искусство никуда не делось. Просто всё встало на свои места. Например, когда в плотно набитый автобус залазят ещё десять человек, все, кто едут в этом автобусе, говорят: «Ну куда вы, здесь и так всё уже забито!»... Но, тем не менее, когда десять человек залезут, все потихоньку умнётся, и всё встанет на свои места. Подъезжаем к следующей остановке — начинается та же история. Причём «куда вы лезете?!» кричат уже те, которые залезли в прошлый раз. Также и молодые художники — сначала они мешают. Но со временем всё успокоится, и каждый будет заниматься своим делом.

— **В чём отличие между современным и традиционным искусством?**

— Современное задаёт вопросы, не отвечая на них. Тем самым оно ставит зрителя в ситуацию диалога. Коммуницируя с современным искусством, посетитель, как правило, уходит с вопросом. И этот вопрос начинает жить у него в голове. Человек начинает подсознательно искать ответ. Если наш мозг попал в ситуацию растерянности, то он активизируется. Ему необходимо получить ответ, так уж устроен мозг. Современное искусство заставляет нейроны мозга двигаться. Традиционное искусство такой задачи не ставит. Оно решает эстетические задачи. Если я вижу хорошего традиционного художника, я,

прежде всего, отвечаю на вопрос, нравится мне это или нет, красиво или нет. Я читаю сюжет, историю, картину как литературное произведение. Это так же, как и классическая музыка, где есть правила игры, выстроенный ряд, начало, конец. Современное искусство в каком-то смысле нарушает эти правила и ставит человека в ситуацию не напрямую читаемого текста. Как современные писатели, которые нарушают правила игры и тем самым задают серьёзные социальные, жизненные и философские вопросы.

Правильнее было бы даже говорить не о современном, но об актуальном искусстве. Современное искусство в европейской и американской культуре идёт под именем «modern art». Тогда как актуальное искусство — «contemporary art».

— **Актуальное сегодня — это проблема?**

— Да, безусловно. Художник — натура очень чувствительная в эмоциональном плане. Внешнюю ситуацию такие люди переживают сильнее. Эта «пористость» художника сродни губке. Если губку поместить в чистую среду, она впитает её в себя, и, выжимая её потом, вы выжмете

выражения является искусство, он невольно транслирует это на чувственном языке. Психологическая энергетика актуального искусства очень сильна. Люди считывают её. Но это не исключает и того, что восприятие вещи может быть поверхностно, когда видят только грязную, неказистую форму.

Поэтому мы, наверное, должны воспитать зрителя. Того, кто сможет считать этот код. Понятно, что воспринять берёзки, речки, горы — легче. Современное искусство в этом смысле требует больше усилий.

— **Арт-сессия заявлена как инновационное событие. В чём заключается инновация?**

— С учётом местного контекста инноваций здесь много. Актуальное и современное искусство в Красноярске — уже инновация. Потому что ни одно учебное заведение не обучает современному искусству и даже не говорит о нём. Даже у искусствоведов нет лекционного курса, рассказывающего об эпохе постмодернизма. И потому этим занялся музей. Учить художников актуального искусства — опять же инновация для музея. Наконец,

художник является более инновационным в плане творческого процесса, чем, например, Леонардо да Винчи, — это ещё большой вопрос.

— **По каким критериям эксперты оценивали работы?**

— Эксперты называли десять запомнившихся работ. Те, которые запомнились всем, стали победителями. И были небольшие комментарии, например: «за пластичность», «за бескомпромиссность», «за лиричность». Никаких мест не было. Вообще, я с трудом понимаю, как в творчестве можно присуждать места. Когда соревнуются спортсмены, здесь всё понятно. А когда соревнуются художники, это выглядит примерно как если перед вами стоят три голых человека. Их работы — это и есть их обнажённая натура. И кто из них более голый? Можно сказать, что один выше, другой ниже. В итоге они просто все разные. И выделяются своими специфическими характеристиками.

— **Было проведено две арт-сессии. Можете ли Вы что-то сказать о динамике?**

— В нынешнем году мы сделали арт-сессию конкурсом. Но конкурсом не для выявления лучшего, а для мотивации. Соревновательный процесс всегда более интересен и вызывает большую активность со стороны участников.

Если в 2008 году проекты были представлены институтами (архитектурный факультет СФУ, Художественный институт) и содержали, в основном, учебные работы, то в 2010 появились конкретные авторы и творческие объединения (например, творческое объединение «Невкусно», «Красный велосипед»). То есть появились персоналии, и эти персоналии начали организовываться в сообществе. Это естественно, потому что когда вы неформал и вас таких мало, а формалов много, то лучше объединяться. Творческому объединению легче заявить о себе. С помощью арт-сессии мы решаем, в том числе, эту задачу.

— **Ваши программы открыты для всех желающих?**

— Музейный центр открыт для всех креативных персон. Мы можем рассмотреть идеи и подумать, как и в рамках чего их реализовать. Многие думают, что музей живёт своей жизнью, и можно прийти туда только в качестве посетителя. На самом деле в КМЦ множество программ, в которых можно принимать участие в качестве носителя идеи или проекта. Арт-сессия — один из таких проектов, в котором участнику присваивается статус художника. При этом нам интересно именно то, что представляют собой авторы в творческом плане, что они готовы предъявить публике в рамках современного искусства, каков их потенциал.

Екатерина КОСТЕРИНА

те чистую воду. А если губку поместить в грязную воду, то вы и выжмете грязную воду. В зависимости от того, в какой среде находится художник, то из него и выходит. Вы же понимаете, что ГЛАЗУНОВ или ШИЛОВ не отражают нашу современную реальность. Реальность с танками, оружием, взрывами. У нас не всё так здорово. И естественно, что художник, живущий среди этого, впитывает всё в себя. Но поскольку формой его

КМЦ предоставил центральные площади никому не известным ребятам. Для нас это, безусловно, интеллектуальный прорыв.

— **А инновации в самих работах?**

— Здесь, наверное, трудно о них говорить. По сути, внутренний творческий процесс современного художника вполне сопоставим с тем же процессом у художника средневекового. И насколько современный

